

Прецедент Макаревича: Суд взыскал с Проханова **500 000** рублей в пользу украинских детей-беженцев

ПОНЕДЕЛЬНИК **ЧЕТВЕРГ**

НОВАЯ
газета

PhotoXPress

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

СТРАНИЦА 4

№ 87 (2271) 20.11.2014 г.

Дело Магнитского: **Они решили, что все всё забыли**

Об условиях содержания в Бутырской тюрьме.

25 июля 2009 года я был переведен из Бутырской тюрьмы России (далее: «Матросская Тишина»).

26/08/09 я пожаловался на отключение розеток во время обхода камер представителем администрации БТ, указывая на то, что иногда ночью бывает нужно принять лекарство, а для того, чтобы его зашить, нужно приложить гад. На это наглый медицинский гаски, присутствовавший при обходе, ответил: «... вы должны спать».

В камере оконных рам. 11/09/09 в котором просил усадьки. Из-за холода приходилось в одежде, и куртки, но рамы 09/09 мы подали жалобу на отсутствующие оконные рамы. Холода мы все просыпались. 09/09 оконные рамы появились. Но, как оказалось, а

Мы печатаем эти страницы, написанные почерком отличника, еще раз. Потому что кому-то, очевидно, показалось, что за пять лет, столь насыщенных событиями, все всё забыли — и печальную дату гибели этого мужественного человека можно использовать для сведения счетов со своими противниками

СТРАНИЦЫ 2-3

Фонд «Hermitage Capital» / ТАСС

«Наш гурдом голосует...»

СТРАНИЦЫ 12-13

Репортаж спецкора «Новой» Павла КАНЫГИНА из психиатрической клиники в Донецке, где ополченцы делят палаты с пациентами

Они решили, что все всё забыли

ти дневники были опубликованы пять лет назад, после того как в СИЗО «Бутырка» умер Сергей Магнитский, брошенный врачами на «попечение» усиленного наряда вертухаев, несмотря на страшные, нечеловеческие боли.

С этого дня — 16 ноября 2009 года — и началось «дело Магнитского», во многом изменившее отношение мира к России.

Мы решили напечатать эти страницы, написанные почерком отличника, еще раз. Потому что кому-то, очевидно, показалось, что за пять лет, столь насыщенных событиями, все всё забыли — и печальную дату гибели этого мужественного человека можно использовать для сведения счетов со своими противниками.

Но низостью тех, кто по ошибке все еще называет себя журналистами, удивить уже никого невозможно. Удивить можно лишь стойкой верой в то, что справедливость все-таки существует, и в то, что слово «честь» — по-прежнему существительное, и оно не пропало из словарей современного русского языка.

За что Сергей Магнитский оказался в тюрьме? Напоминаем: за то, что этот скромный юрист одной из компаний, обслуживающий интересы корпоративных клиентов, обнаружил пропажу денег — 5,4 млрд рублей. Это были не его деньги. Это не были деньги его клиента. Это были государственные, бюджетные деньги. О том,

кто и как их украл, Магнитский дал развернутые показания следствию. Тем стал опасен.

Арест. Год в скитаниях по камерам следственных изоляторов (делалось специально — так называемая «карусель», цель которой — сломить арестанта). Никаких следственных действий. Фактический запрет на свидания. Стремительно ухудшающееся здоровье. Фактический запрет на квалифицированное лечение, даже лекарства, необходимые для поддержания жизни, очень редко до него доходили. Изматывающие часы в автозаке, в судах, где продлевающие раз за разом содержание под стражей судьи лишь брезгливо морщились, глядя на корчащегося от боли человека, и не разрешали даже принести кипятка.

За что Сергея Магнитского довели до смерти? Напоминаем: за то, что, несмотря на все эти муки, он не изменил своему представлению о чести и справедливости — продолжал свидетельствовать о преступлении: писал в прокуратуру, Следственный комитет, называя высокопоставленных подозреваемых поименно. Мог

ведь просто отказаться от своих слов, получить два года условно и — жить.

Отчего умер Сергей Магнитский, кто украл 5,4 млрд наших с вами денег, где эти средства сейчас, какие виллы на них построены? Напоминаем: официальных ответов на эти вопросы нет — все уголовные дела закрыты или закончились пшиком. Осталось только одно — по обвинению самого Сергея Магнитского, посмертно.

И вот для того чтобы больше никто и никогда не задавал вопросов о судьбе похищенных денег, и была развернута эта кампания по глумлению над памятью.

Для того чтобы эти вопросы продолжали задавать неустанно, мы и печатаем вновь страницы из дневника Сергея Магнитского.

Сергей СОКОЛОВ

Все 44 страницы дневника вы можете прочитать на сайте «Новой»

Об условиях содержания в Бутырской тюрьме.

25 июля 2009 года я был переведен из ФБУ СИЗО-1 ФСКН России (далее: «Матросская Тишина» или «МТ») в ФБУ ИЗ-77/2 УФСИН России по г. Москве (далее: «Бутырская тюрьма» или «БТ»).

В БТ я содержался в следующих камерах:

- №267 - с 25/07/09 по 01/08/09 - камера площадью около 10,8 м², одновременно со мной содержались в течение 1 дня еще 2 человека, потом один день я провел в одиночестве, после чего все остальное время вместе со мной содержался еще 1 человек, в камере 4 кровати
- №59 - с 01/08/09 по 08/08/09, камера площадью около 8,2 м², одновременно со мной содержались еще 3 человека, в камере 4 кровати
- №35 - с 08/08/09 по 10/08/09, камера площадью около 10,1 м², одновременно со мной содержались еще 2 человека, в камере 6 кроватей
- №61 - с 10/08/09 по настоящее время, камера площадью около 8,2 м², одновременно со мной содержится еще два человека (один сумасшедший - еще 3 человека), в камере 4 кровати

Я сообщил врачу об имеющемся у меня заболевании, пожелавшемся на то, что за целый месяц пребывания в БТ меня ни разу не осмотрел врач. Врач была очень недовольна, она метала мою медицинскую

карту и говорила: «какое Вам нужно обследование, какое лечение? Вот, смотрите, тут написано, что Вас уже легли. Что же Вас каждый месяц легить?» Я спросил, нужно ли мне диетическое питание, и это нужно сделать, чтобы его мне назначили. Врач сказала, что не знает, что я должен заниматься на приеме и хирургу, и он решит этот вопрос.

25/08/09 я написал заявление о приеме меня врачом-хирургом для решения вопроса о моем лечении и назначении мне при необходимости диетического питания. Как и все предыдущие, это заявление осталось без какого-либо ответа.

Напомню медицинская часть моего разговора, забрал упомянутую выше копию письма, сказал, что плановое оперативное лечение, о котором в нем говорится, это когда вы выйдете на волю, тут Вам по ничто не будет предоставлять, и ушел.

Путь от тюрьмы до суда занимает обычно около часа, но в один из дней мне пришлось проехать в такой машине 3 часа утром и около 4.5 часов вечером, потому что машина из суда отправилась не прямо в тюрьму, а заехала ещё в другие суды, чтобы забрать оттуда заключенных.

В дни, когда заключенных вывозят в суд, им выдают сухие пайки, однако пользоваться ими невозможно, так как в суде заключенным не выдают кипятка, необходимый для заваривания сухих супов и каш, выключенных в пайки. Конвоиры суда отказываются не то, что у них нет кипятка, однако я видел кипятки в конвоирном помещении суда. 13/08/03 я направил жалобу председателю Тверского районного суда г. Москвы на то, что не выдают кипятка. Ответа на эту жалобу я не получил; 14/08/03 в суде кипятка мне снова не выдают.

14/08/03 во время судебного заседания я указал на это судье Криворучко и просил предоставить мне возможность получить порочную пищу до начала судебного заседания, но судья мне в этом отказал, сославшись на то, что это не является обязанностью суда.

26/08/03 я пожаловался на отключение розеток во время обхода камер представителем администрации БТ, указывая на то, что иногда ночью бывает нужно принять лекарство, а для того, чтобы его зашить, нужно приложить грелку. На это начальник медицинской части, присутствовавший при обходе, ответил: "Ночью вы должны спать".

Я написал и 01/09/03 подал письменную жалобу на то, что в БТ в камерах не подается горячая водопроводная вода. Эта жалоба была адресована в вышестоящую по отношению к БТ организацию - УФСИН России по г. Москве.

Реакция администрации БТ последовала незамедлительно. В тот же день, когда я подал жалобу, то есть 01/09/03 мне перевели в камеру № 59, где условия содержания оказались намного хуже, чем были до этого.

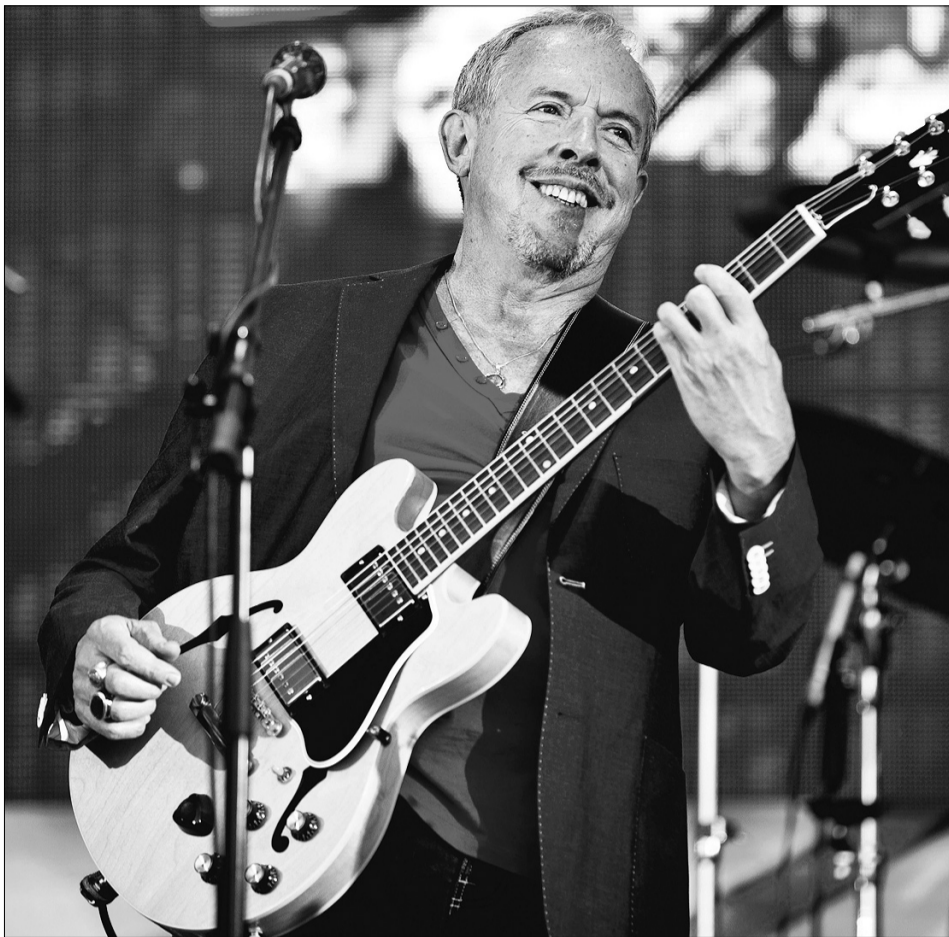
В стакане прообразена дырка величиной со с яблоко средних размеров, а каша из стакана съедена красками, которые, как видно, свободно бегут по канализации. Удивительно, что они не вымывают из неё в камеру, но я видел этих красок неоднократно бегущими по корридору и по ногам часто слышен их шип.

Рассказываю о шипах туалета и всем

никакой реакции не последовало.

В камере № 59 вечером 08/09/03 в непольной газе стала подниматься канализационная вода. На пол она не лилась, но, как мне известно, соседнюю камеру № 60 затопило. В тот же вечер нас перевели в камеру № 35. В камере № 35 не было стекол в окнах, стены были сырые. Мы сначала не обратили на это внимания, но на следующий день причина сырости стала понятна. Примерно в полдень из канализационного стока под раковиной в камеру начала поступать канализационная вода, которая быстро

затопила половину пола камеры. Мы просили вызвать сантехника, но он пришел только в 22:00 и не смог устранить неисправность. Мы просили перевести нас в другую камеру, но нам сказали, чтобы мы оставались на месте до утра. На следующий день утром сантехник не пришел, так что и вечером уже весь пол камеры был затоплен канализационной водой слоем в несколько сантиметров. По полу уже было невозможно ходить, так что мы передвигались по камере, лежа на проватах, как обезьяны. Сантехник пришел только в 23:00, долго возился, но ничего не мог исправить. И сантехник, и надзиратель, который его привел, возмущались тем, в каких условиях нам приходилось находиться. Мы просили перевести нас в другую камеру, но надзиратель не мог этого сделать без разрешения какого-то начальника. Разрешение было получено только в 23:00, после чего нас перевели в камеру № 61, то есть спустя 35 часов после того, как камера № 35 была затоплена канализационной водой.

Евгений ФЕЛЬДМАН — «Новая»

Подлецы и певцы

Во вторник в Савеловском суде был рассмотрен иск Андрея Макаревича о защите чести и достоинства к газете «Известия» и писателю Александру Проханову. Вопреки скептическим прогнозам иск был удовлетворен, и суд обязал Проханова выплатить Макаревичу 500 000 рублей, а «Известия» — напечатать опровержение

17 августа 2014 года в «Известиях» была напечатана статья Александра Проханова «Певцы и подлецы», в которой автор со свойственной ему цветистостью описал концерт Андрея Макаревича в Украине: «Андрей Макаревич... поехал на Украину и в расположении украинских войск в Славянске, среди дымящихся руин, на которых еще не выветрилась кровь ополченцев — защитников этого славного города, дал концерт». Весь дальнейший пылкий текст статьи — прямые и косвенные обвинения Макаревича в кровавых событиях на Донбассе, на которые он, по мнению автора, вдохновил исполнителей своей музыкой, хотя на самом деле Макаревич дал концерт в другом месте и перед другими людьми — в лагере беженцев в Святогорске.

Андрей Макаревич подал в суд на Проханова, сообщив, что в случае если он выиграет дело, все деньги пойдут в помощь детям-беженцам, пострадавшим от конфликта на Донбассе.

Антон ЧЕРНИН, пресс-секретарь «Машины времени»:

— Самое важное для нас — что создан прецедент. Надеюсь, теперь хотя бы один из танков, паливших по Макаревичу, будет временно выведен из строя. Я, честно говоря, не видел особенных перспектив для Проханова это дело выиграть, потому что он наговорил кучу недоказуемой чуши, которую ни один адвокат не «вытянет», — этого просто не было! Но я ожидал,

что решение будет чисто символическим, а заседание затянется или будет перенесено. Однако блистательная Анастасия Расторгуева довела дело до конца за один прием. Битва длилась два с половиной часа, полчаса суд совещался, после чего было решение взыскать с Проханова полмиллиона и обязать «Известия» напечатать опровержение, что для нас особенно важно.

Анастасия РАСТОРГУЕВА, адвокат Андрея Макаревича:

— Сторона ответчика считала, что нет ничего оскорбительного в утверждении, что музыка Макаревича способствовала ожесточенным и кровавым действиям на Донбассе, они утверждали, что это право Проханова — писать, что ему вздумается. Однако суд решил, что эти сведения не являются правдой, и согласился с нами в том, что они порочат честь и достоинство Макаревича. Мы верили и надеялись, что суд будет объективным, и очень рады, что так произошло. Что касается компенсации морального вреда, то она всегда оценочна, мы заявляли 1 млн рублей, суд постановил взыскать 500 000, что тоже хорошо. Сразу после заседания я позвонила Андрею Макаревичу и сообщила о результате, он был очень доволен, что справедливость восторжествовала. Все эти месяцы он был поставлен в непростую психологическую ситуацию, поэтому очень рад, что она разрешилась таким образом.

Ксения КНОРРЕ-ДМИТРИЕВА

ГОД СПУСТЯ

«Как только наберется больше тысячи, будем организовываться»

21 ноября на Майдане снова соберется Народное вече — вспомнить, как год назад началась революция достоинства, и оценить ее плоды

«...Ладно, давайте серьезно. Вот кто сегодня до полуночи готов выйти на Майдан? Лайки не считаются. Только комментарии со словами «Я готов». Как только наберется больше тысячи, будем организовываться».

Год назад, дождливым вечером в четверг, 21 ноября, журналист интернет-издания «Украинская правда» Мустафа Найем написал этот пост на своей странице в фейсбуке. В этот день кабмин под председательством Николая Азарова единогласно проголосовал за то, чтобы приостановить подготовку к соглашению об Ассоциации между Украиной и ЕС. Вместо этого было предложено восстановить и укрепить экономические связи с Россией. Накануне в Раде коммунисты и регионалы провалили законопроект, касающийся лечения осужденных за границей.

Юлия Тимошенко в ту пору находилась в Харькове, в больничной палате с решетками на окне. Европа настаивала на соблюдении законности, Янукович блефовал: «Либо забываете о судьбе Тимошенко, либо мне придется прислушаться к интересным предложениям Кремля» — и, похоже, своего добился. Не произошло ни обещанной реформы прокуратуры, ни преобразований в сфере избирательного законодательства, ни других, необходимых для жизни в европейском доме перемен. Но с Киевом все равно собирались заключать политический контракт. И вот накануне саммита в Вильнюсе власть Украины прекратила игру на два фронта...

Спустя час после публикации Найема число желающих выйти на Майдан в Киеве перевалило за тысячу. «Встречаемся в 22.30 под Монументом Независимости. Одевайтесь тепло, берите зонтики, чай, кофе, хорошее настроение и друзей», — предупредил журналист. Митинг в поддержку евроинтеграции, своеобразный «выпуск пара», согласованный с горадминистрацией, намечался на воскресенье, 24 ноября. То, что с народом придется встретиться раньше и объясняться всерьез, оппозиция, впавшая в уныние, даже не подозревала.

На гранитных плитах, мокро поблескивающих под фонарями, люди стояли небольшими группками, многие приехали семьями. Работали камеры нескольких телеканалов. «Зачем вы здесь?» — задавали вопрос. «Оскорблено чувство человеческого достоинства. Отнять будущее на много лет вперед. Так ведут

себя только тоталитарные режимы», — отвечали. Репортажи шли в эфир. На площади неумолчно звонили телефоны: видели в новостях, едем тоже, дожидаться! Вокруг появилось несколько нарядов милиции, ходили, переговариваясь по рациям. Ничего пока не нарушают, палатки не устанавливают, мегафон слабенький. А стихийный митинг, устроенный на ступенях журналистами и общественными активистами, для Киева не диковина.

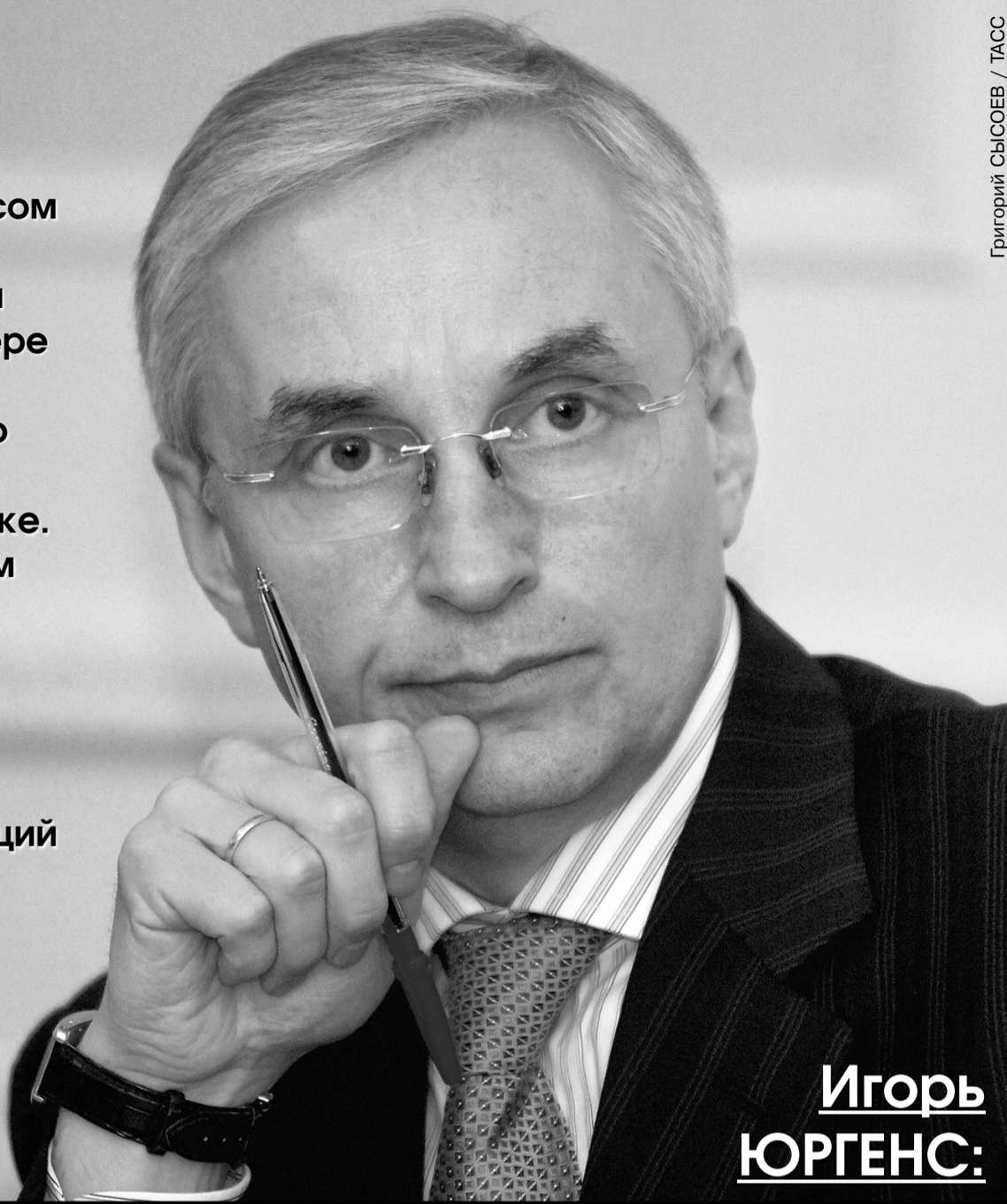
Первым на местности сориентировался лидер партии «УДАР» Виталий Кличко. Подогнал свой бронированный автомобиль, превратил его в свободную трибуну. Повозившись с колонками, поставили запись «Оды к радости» — гимна Евросоюза. Подключился Юрий Луценко, недавний политзэк и «оранжевый» министр: «Не надо стоять здесь до смерти, будем появляться каждый вечер, создавать пульсацию! Отправляйте эсэмэски друзьям: «Я вышел на Майдан. А ты?» Подтянулись музыканты рок-групп. В ту ночь на Майдане нестройно спели гимн Украины, еще не зная, какая страница мировой истории начата...

Спустя год министр культуры Евгений Нишук (этот актер столичного театра «Сузір'я» («Созвездие») был бессменным ведущим на революционной сцене) рассказал прессе о том, что День достоинства и свободы (согласно указу президента Петра Порошенко, 21 ноября стал праздником) начнут с возложения цветов к символическому памятнику «Небесной сотне» на Институтской. (Мэр Виталий Кличко поручил департаменту общественных коммуникаций поинтересоваться мнением киевлян по поводу переименования улицы в честь погибших героев. Однако «дело снайперов», на чьей вести — кровь защитников Майдана, до сих пор не передано в прокуратуру. Адвокаты «Небесной сотни» утверждают: часть вещдоков потеряна.) Затем состоится благотворительная акция «Украина — это я» и Народное вече. Мустафа Найем (он избрался депутатом Рады по списку «Блока Петра Порошенко») призвал политические силы не приходить с флагами своих партий: «Это был гражданский Майдан. Надеюсь, гражданским он и останется».

Вряд ли новая власть рассчитывает на то, что услышит о себе на Вече приятные вещи. Но то, что в Украине голос общества придется впредь слушать внимательно, доказано Майданом.

Ольга МУСАФИРОВА,
соб. корр. «Новой»
Киев

Первая часть нашей с Юргенсом беседы, опубликованная в прошлом номере «Новой», была почти полностью посвящена большой политике. Сегодня говорим об экономике. Точнее, о тех проблемах, с которыми она сталкивается в условиях санкций и падения цен на нефть

Игорь Юргенс:

Сейчас мы в рецессии и скоро будем в свободном падении

— **Что для экономики, для бизнеса самое болезненное в режиме санкций?**

— Секторальные и финансовые санкции. Дешевых денег, которые были, нет. А тут к тому же — то ли еще один «инструмент», то ли стечение обстоятельств — падение цены на нефть... Невозможность занять деньги для обслуживания долга и сокращение бюджета в результате уже практически 30-процентного сокращения цен на нефть — это тяжелейший удар и по бюджету, и по бизнесу. И как мы из него будем выходить, это интересный вопрос.

— **И насколько нас может хватить?**

— Ну такой простой арифметический расчет — на 2 года без крупных потрясений. Потому что недоинвестирование и вывод денег в этом году — это около 200 миллиардов долларов. У нас еще есть в запасе 450 миллиардов. Получается 2—2,5 года. Это, конечно, не очень корректный — линейный подсчет. Думаю, что тем не менее близкий к истине.

— **Раз нет денег, то сокращаются инвестиции. А нет инвестиций, значит, нет развития?**

— Да, но это только одна из трех главных проблем. Есть еще проблема с отсутствием квалифицированной рабочей силы (имеется в виду менеджерский контингент) и сокращением ее поступления из-за рубежа в новых условиях. «Роснефть», например, возглавлялась в том числе и американцами — финансовыми директорами. Теперь суперменеджеров будет все меньше. И так, инвестиции сокращаются. Во-первых, директивно со стороны Запада. А во-вторых, помимо того, что мы практически отрезаны от новых длинных денег, сами финансовые рынки существенно повышают планку российских рисков. Значит, нет кадров, нет инвестиций и нет

технологий: ведь некоторые технологии тоже запрещены.

— **А еще есть такой важный источник развития, как внутреннее потребление. Оно тоже сокращается.**

— Да, оно сокращается, в том числе в связи с урезанием социальных программ. Министр финансов Силуанов обозначил запасной вариант бюджета практически как его 10-процентный секвестр. Естественно, это в первую очередь бьет по здравоохранению, культуре, но также и по зарплатам разросшегося контингента бюрократии. В совокупности с ростом цен все это будет вести к сжатию внутреннего потребления. Те, кто на Западе просчитывал эффект санкций, это более или менее знают: у них есть примеры Ирана и других стран. Санкции почти никогда не работают в политическом смысле, потому что мобилизуют народ, но в экономическом работают еще как.

— **Как в нынешних условиях государство может доставить в экономику ликвидность? Ведь это кровеносная система экономики?**

— Полностью никак. Когда баррель стоил \$120, тогда эта ликвидность, в том числе валютная, поступала в страну широким потоком. Когда он стоит \$80, ну вы понимаете разницу. Ниже \$70 — это очень большие проблемы для бюджета, это сжатие всего, что сжимается, консолида-

ция бюджета, минимум государственных трат, а ведь они заявлены очень большие. Боюсь, что единственный путь, который будет открыт, — это дальнейшее огосударствление.

— **Про самочувствие бизнеса можно и не спрашивать: известно, что оно сегодня плохое.**

— Я бы сказал: очень плохое. Правда, никто из крупных собственников об этом не будет говорить, потому что они сейчас должны проявить максимум лояльности, иначе они лишатся своего бизнеса. Но внутри, безусловно, все отхеджировали свои личные риски, я абсолютно в этом уверен. То есть деньги выведены, вложены в недвижимость, в серьезные счета и так далее. Нефть, металлы и все остальное из недр не достанешь, поэтому производить будут здесь. Плюс, безусловно, среди олигархата есть патристически настроенные люди, которые, сжав зубы, будут пытаться что-то сделать. Но экономическое самочувствие пло-хо-е. И РСПП, надо отдать ему должное, об этом довольно четко говорит. Или вы в условиях санкций даете нам какой-то особый фискальный режим, чтобы хотя бы не удушить нас, — или конец модели.

Но понимание того, что нужно беречь бизнес, есть не везде. Недавно на одном очень высоком собрании один

очень уважаемый региональный банкир рассказывал: «70% работы моего банка — это отчеты перед правоохранительными органами и регулятором, и только 30% — собственно финансовая деятельность. Так под чьими же санкциями мы находимся?»

— **Вам не кажется, что то, что сейчас происходит, — это огромный подарок, неожиданный бонус для директоров и изоляционистов как идейных, так и практических? Что кризис в отношениях с Западом стал отмычкой, чтобы распечатать разные государственные фонды — и Пенсионный, и фонды развития, и может быть, золотовалютные резервы?**

— Да. В этом смысле, безусловно, нанесен серьезный удар по либеральной части российского общества. Потому что в условиях сжатия эффективных активов они будут все больше переходить в государственные руки, поскольку государство должно существовать, платить пенсии, зарплаты бюджетникам и как-то содержать здравоохранение и образование. Те новые русские, которые выступали за рынок, за демократию, за связи с Западом, — сейчас опосредованно подвергаются санкционным режимом очень большому давлению.

Сейчас мы в рецессии...

Ия согласен с вами: те, кто всегда выступал за восстановление центрального планирования экономики, за, условно говоря, обновленную советскую модель, так называемые дирижисты, они, безусловно, сейчас получают большой бонус и говорят: «Мы вас всегда предупреждали, что вы будете наказаны за свою открытость, за вступления во всякие ВТО. Вот вам, пожалуйста, последствия». Это неправда, потому что открытая модель, на самом деле, наиболее устойчивая. Это неправда, потому что Россия, когда руководствовалась открытой, свободной, рыночной моделью, развивалась, прибавляя по 9% нацдохода в год, а сейчас мы в рецессии и скоро будем в свободном падении.

— Я так понимаю, что когда средств нет, то надо начать отъем их у частного бизнеса. И я думаю, «дело Евтушенкова» закончится ровно в тот момент, когда...

— Оно уже фактически закончилось.

— Ну понятно: передача активов «Башнефти» оформлена, бизнес отжат — теперь можно выпускать.

— Когда все заинтересованные стороны окажутся удовлетворены — можно будет выпускать. Видимо, так.

— Говорят, что начинается новая волна репрессий против частных предпринимателей. Именно с целью отжатия бизнеса и пополнения активов. Что расцветает соответствующее «творчество» на местах: сигнал из центра о том, что Запад плохой и что надо концентрировать ресурсы, получен, а дальше — репрессивная самодеятельность.

— Не могу сказать: у меня нет статистики. Мы встречались в рамках Совета по правам человека с президентом, таких сигналов не поступало. Но от той части совета, которая занималась выборами, были сигналы о том, что снизилась политическая конкуренция, что выборы не являлись эталоном волеизъявления масс. Я думаю, что когда «Родина в опасности», когда «Россия — осажденная крепость», то не до демократии, не до предпринимательства, не до чего. И в этом смысле я думаю, что умонастроения таковы, что, мол, лучше бы перестраховаться со всеми этими свободно-рыночными настроениями и инструментами, чем недостраховаться. Мне кажется, что этой волне будет трудно противостоять.

Надо отдать должное: верхи постоянно говорят западным предпринимателям, что все их права будут гарантированы. И, кстати, некоторые западные предприниматели, которые здесь работают, говорят, что с точки зрения лицензирования, регулирования и тому подобного дело даже, может быть, немного облегчилось.

— То есть по формально-юридической части?

— Да. На верхах понимают необходимость сохранения открытой модели, потому что неоткуда, собственно, брать живительные соки для экономики. Но я согласен с вами, что местные регуляторы под воздействием такой патриотической волны могут себя вести совершенно по-другому.

— Как бы вы определили: где сегодня принимаются основные экономические решения? Ведь что мы наблюдаем? Возникает какая-то странная антирыночная изборожденная, госкорпоративная или думская инициатива. Правительство, отдельные его ведомства дают отрицательные отзывы на эти инициативы. Проходит некоторое время, и выясняется, что эти отрицательные отзывы либо меняются на положительные, либо они вообще не принимаются во внимание. Где же в таком случае центр принятия решений?

— Механизм довольно сложный и требует большого количества согласований. И в этом смысле аппарат работает и действует. По экономической вертикали

проскочить совсем уж неграмотным решением довольно трудно. Есть и нулевое чтение, существует согласование в правительстве. Когда дело доходит до уж совсем чего-то очень сложного, это решается на уровне первого вице-премьера Шувалова, который по-прежнему является очень грамотным и серьезным фильтром для такого рода вещей. Потом есть правовое и другие управления администрации президента, где тоже сидят люди, которые реально беспокоятся о том, чтобы реакция и обскурантизм, по крайней мере в экономических решениях, не прошли. Но давление есть и будет.

— Оно нарастает.

— Давление тех, кто говорит о том, что «любой ценой», «откройте закрома

имплантировались, они выстроили прекрасные представительства. Сейчас они, естественно, понимают все риски, которые с этим связаны. Компании, связанные с энергетикой, с сырьевыми ресурсами, безусловно, заинтересованы в сотрудничестве. Не надо преувеличивать нашу роль, но Россия — это интересный и хороший рынок, где сырьевая составляющая низкая, где до последнего времени цены на электричество и энергию тоже низкие, где рабочая сила относительно квалифицированная, хотя она начинает быть дорогой по сравнению, скажем, с китайской. Но тем не менее есть плюсы работы на российском рынке, которая, к сожалению, находится под давлением западных запретов, а также начинает

что поддерживают президента. Трудно себе представить, чтобы под воздействием этих санкций изменилась внутренняя политика Российской Федерации. Это с одной стороны.

С другой стороны, мы видим, что санкции ведут к росту напряженности в обществе. Это видно по внутриклановым расколам, уходу из правительства с довольно громкими заявлениями некоторых высоких чиновников, случаю с Евтушенковым и многим другим признакам. Те, кто эти санкции планировал, наверное, перед своим руководством отчитываются положительно: «Вот видите, мы усилили напряжение в России, а усиление напряжения ведет к возрастанию риска политических ошибок и неправильных решений». Возможно.

Я, как либерал, чувствую, конечно, горечь, потому что наша с вами когорта испытывает мощное давление и сжатие своих возможностей. Я даже не говорю про эпоху Медведева, когда можно было говорить намного свободнее и действовать в плане модернизации, европеизации абсолютно легально и используя разные возможности, в том числе ресурс СМИ. Но даже недавний досанкционный режим все-таки давал возможность осмысления ситуации, ее обсуждения (чем занимались и я, и мои друзья), формирования либерал-государственной когорты, то есть либералов, которые вели бы свою страну в направлении свободы и развитого рынка, при этом не отрицая, безусловно, нашей истории, наших ценностей. Сейчас, конечно, мы «сжались». И вот этот «креативный класс», эта образованная и амбициозная молодежь, — они скорее побежали, нежели готовы здесь бороться. Есть, конечно, какое-то количество камикадзе, но мы не можем ждать от всего просвещенного народа, что каждый пойдет за свои убеждения на последний и решительный бой. У людей семьи, дети, работа, да и темпераменты разные. Наверное, и те, кто эти санкции придумывает и просчитывает, не ставят себе целью, чтобы здесь были угнетены те люди, которые в целом относятся к дружбе России с Западом позитивно. Чтобы свободно-рыночные силы, предпринимательство, которое в принципе настроено на глобальную экономику, были подавлены и сведены в чеболи, которые сейчас нам практически навязывают. Возможно, продемонстрировать российскому руководству недовольство его неправильным поведением в Украине и избежать описанных последствий? Это где-то между наукой и искусством, и описать эту грань методологически очень сложно.

— Для этого нужны очень искусные политики. А они сегодня в дефиците.

— Я очень опасаясь, что у нас интеллектуальных сил, противопоставляющих наши рецепты их рецептам, меньше, чем у них. Все эти спецслужбы и аналитические центры Запада, которые рассчитывают нынешнее состояние «холодного мира», конечно, мощнее, они финансируются в сотни раз лучше, и всякие гарвардские и оксфордские выпускники, которые там каждодневно работают над этим, — их больше, они лучше образованы. И я боюсь, что в этой войне мы можем получить очень серьезные удары.

— Тем более что западные санкции — это очень хороший аргумент для изоляционистов и для сплочения вокруг...

— ...неких лозунгов, которые к прогрессу не ведут. И которые в конечном итоге, как это было и в 1914 году, будут работать против единства и благополучия страны. Не дай Бог, но, к сожалению, аналогии напрашиваются...

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

родины, мы вам сейчас тут устроим такие замечательные проекты, что вы увидите, как мы унижим Запад», — в нынешних условиях растет.

— Где они давят? Ведь, наверное, надо проникнуть к главной инстанции — к президенту?

— Существует партийная вертикаль, существуют лоббисты высокого уровня. Когда правительство, Кудрин, Шувалов, Набиуллина и ряд других людей стояли на страже интересов развития и поддерживались Путиным, понимающим, что довольно быстро можно истощить кошелек нации, — это была одна история. Потом Кудрин был отдален. По-прежнему остаются грамотные люди, которые борются. Но в условиях санкций, в условиях сокращения всего и вся в качестве инструментов, им доступных, я думаю, они подвержены очень большому давлению.

— Сохраняется ли у западного бизнеса сегодня хоть какая-то мотивация работать в России и с Россией? Вложено много, многое успешно работало, а что-то и сейчас продолжает работать.

— Мы остаемся шестой экономикой мира, рынком со 146 миллионами потребителей, потенциальной дорогой на огромный Китай, проводником на 17-миллионный казахский рынок, 9-миллионный белорусский. В целом для таких компаний, как Siemens, как Bosch, то есть немецких гигантов, прибыль, которую они получали до кризиса на территории Российской Федерации и Евразийского союза, была в страновом плане первой не только среди центрально-восточных европейских стран, а вообще среди европейских стран. Поэтому они дорожили этим рынком, они здесь

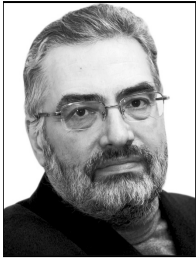
находиться под давлением сокращения наших потребительских способностей. Но Ассоциация европейского бизнеса, которая недавно встречалась с Лавровым, единодушно выступила против санкций и за продолжение сотрудничества. И я думаю, что большинство предпринимательских сообществ за рубежом готово высказаться так: «Давайте с политикой разбирайтесь, а санкции снимайте, потому что нам это важно».

Но есть, безусловно, и финансовые институты, которые видят здесь больше рисков, чем плюсов, и выводят капитал из России.

— Вопрос о санкциях очень непрост. Как вы думаете, каков баланс между тем, чего этими санкциями можно достичь, и их разрушительной ролью?

— Несколько констатаций, которые, может, и составят мой ответ. Институт мировой экономики Петерсона провел исследование об эффективности санкций, введшихся в отношении различных стран, по-моему, в течение послевоенного периода. И получается, что санкции сработали в 34% случаев.

Но в основном не по линии смены политического курса страны. Правда, в Иране к смене режима это все-таки привело, но не под воздействием роста антиправительственных настроений, а под воздействием экономических тягот, которые испытывала вся страна (падение риала на 60%, практически отключение от SWIFT и многое другое). Поэтому ограниченность действий санкций с точки зрения достижения политического результата известна. Тем более в отношении России, которая все-таки еще пока контролируемая страна, где на сегодня 86% населения говорят,

**Павел
ФЕЛЬДЕНГАУЗ**
обозреватель
«Новой»

Российские боевые самолеты все чаще летают в международном воздушном пространстве вокруг Европы, а западные истребители их условно перехватывают. По словам генсека НАТО Йенса Столтенберга, в этом году таких перехватов было уже свыше ста — в три раза больше, чем в прошлом.

Э то по большей части российские стратегические бомбардировщики дальней авиации Ту-95, которые обычно летят по традиционному маршруту, известному среди летчиков как «за угол» — вокруг территории Норвегии в условную точку пуска к северу от Шотландии, откуда крылатые ракеты большой дальности ХХ-55 могут добить и до Вашингтона, и до Нью-Йорка. Дальность ХХ-55 — более 3000 км, каждая несет боеголовку в 200 килотонн. В полете Ту-95 нередко сопровождают летающие танкеры Ил-78 для дозаправки в воздухе, а часть маршрута — истребители-перехватчики. В прежние годы «за угол» часто летали сверхзвуковые Ту-160, но сейчас много реже: приходится экономить ограниченный моторесурс оставшихся двигателей НК32-1, которые пока невозможно вновь изготовить или капитально отремонтировать из-за утраты технологии производства ряда ключевых деталей. Обанкротился завод, разобрали в утиль советскую производственную линию, ушли на пенсию, умерли, разошлись прежние специалисты. Есть (профинансирована) программа восстановления производства двигателей НК32-1, но пока довести до результата не удастся.

Наш Генштаб полагает окруженную уже в мирное время Калининградскую объединенную группировку самым слабым участком обороны и отрабатывает планы ее срочного усиления в случае обострения с НАТО. Много и регулярно в Калининград из Питера и обратно летает над Балтикой истребителей, фронтовых бомбардировщиков и военно-транспортных самолетов по узким, особенно в Финском заливе между Эстонией и

РИА Новости

Ядерная игра на грани войны

Нарочитая демонстрация военной мощи снова становится важнейшим политическим инструментом

Авиаманеврами, конечно, дело не исчерпывается: на днях во время мирового экономического саммита G20 в Брисбене к берегам Австралии (очевидно, для подкрепления переговорных позиций президента Владимира Путина или его защиты от недругов) отправилась существенная сводная флотилия Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов: 2 ракетных

ядерной, мощи была важнейшим политическим инструментом. Это называлось «балансировать на грани войны», или brinkmanship, — термин, предложенный в пятидесятые покойным американским госсекретарем Джоном Фостером Даллесом для обозначения намеренного нагнетания угрозы ядерной войны до самого края пропасти (the brink). Так как ядерная война ведет к «гарантированному взаимоничтожению», или mutual assured destruction (MAD), противная сторона вынуждена идти на компромиссы и уступки. Во время той холодной войны эту тактику с успехом применяли обе стороны, но придумали ее американцы, которые уступали советскому блоку в обычных вооружениях и больше полагались на ядерные. Во время Карибского ракетного кризиса в октябре 1962 года Вашингтон повысил уровень военной готовности до «красного» DEFCON 2 по пятибалльной шкале. Кризис закончился компромиссом.

В октябре 1973-го, во время «войны Судного дня» на Ближнем Востоке, израильтяне форсировали Суэцкий канал, прорвали оборону, египтяне остановить их не могли и запросили помощи в Москве. В СССР начали сажать в транспортные самолеты дивизии ВДВ для переброски в долину Нила — останавливать ЦАХАЛ. Вашингтон ввел «желтый» DEFCON 3 для стратегических сил и подготовил для переброски в регион свои десантные дивизии. Друг Путина, госсекретарь Генри Киссинджер, прилетел в Москву и, как говорят, несколько дней уговаривал советское руководство пойти на уступки, поскольку его шеф Ричард Никсон — сумасшедший анти-

коммунист, постоянно напивается виски (что было, в общем, правдой) и готов нажать ядерную кнопку. Сработало: было объявлено перемирие, а десант отменили, прислав вместо него в Каир группу наблюдателей. А СССР окончательно утратил всякое влияние в Египте.

DEFCON 3 был введен и 11 сентября 2001-го. Высший «белый» DEFCON 1 пока ни разу не вводили, так как это уже, по сути, ядерная война.

Сегодня Россия вкладывает триллионы рублей в ядерное перевооружение и модернизацию, но реально воспользоваться этим невозможно из-за MAD. Так как РФ существенно уступает США и союзникам в неядерных вооружениях, то остается использовать ядерный шантаж, или brinkmanship, напоминать зажавшимся собственным сыром европейцам, что может выйти, если не одумаются и не отступятся от нашего Крыма с Украиной, свернув заодно санкции. Только так можно получить хоть какую-то практическую пользу от немереных денег, вбуханных в ядерные силы. Конечно, brinkmanship может сработать, только если западные лидеры вправду поверят, что в Москве распоряжается начальник типа Никсона или похуже. Одних маневров со стрельбой, ракетными пусками и перелетами старых бомбардировщиков недостаточно, тем более запорожский «Мотор-Сич» перестал поставлять в РФ турбины для крылатых ракет, а импортозамещение пока не налажено. Похоже, Путину придется существенно ужесточать стиль общения с Западом, но тут самое важное не переборщить и не свалиться с грани войны прямо в MAD.

«Поскольку самолетам даже Дальней авиации долететь до Австралии и вернуться без посадки затруднительно, пришлось послать флот — видно, очень показаться хотелось»

Финляндией, воздушным коридорам. Военным бортам летать над территорией стран Балтии не разрешают, а над морем летчики нередко приближаются, а иногда ненароком и влезают в чужое воздушное пространство. Сейчас в общей нервной обстановке, когда конфликт вокруг Украины вплотную приблизил Россию и НАТО к новой холодной войне, почти каждый перелет сопровождается условно-учебным перехватом с последующим обменом заявлениями и опровержениями. Они: вы нарушали и угрожали. Мы: ничего не нарушали и вообще в своем праве.

крейсера, 2 фрегата (БКП), корвет-сторежвик, танкеры и морские буксиры, без которых наши престарелые боевые корабли в дальние походы не ходят (чтобы было кому домой тащить, если хода лишатся). В Филиппинском море наши устроили маневры с боевыми стрельбами. Поскольку самолетам даже Дальней авиации долететь до Австралии и вернуться без посадки затруднительно и нет в регионе дружественных авиабаз, пришлось послать флот — видно, очень показаться хотелось.

В холодной войне подобная нарочитая демонстрация военной, прежде всего

Теперь и Швейцария...

Александр
МИНЕЕВ
соб. корр.
«Новой»

Ровно неделю назад в 6 вечера по местному времени вступило в силу решение Федерального совета (правительства) конфедерации, которым меры в отношении России практически приведены в соответствие с американскими и европейскими. Самое главное — они коснулись святой святых швейцарской экономики — банковского сектора.

Берн долго не решался. Нейтралитет Швейцарии — ее фирменный знак, а банки — легенда. Она не член Евросоюза, и решения Брюсселя ей не указ, хотя все больше и чаще Берн играет по правилам окружающего его ЕС.

В конце лета, когда Евросоюз, перешагнув через экономические «но», пошел на «секторальные» санкции против России, Швейцария ограничилась, считай, символическими. 27 августа Федеральный совет запретил экспорт в Россию и Украину оружия и военной техники, воздержавшись от существенных финансовых санкций. Оправдываясь, правительство заявило тогда, что ему важно сохранить нейтралитет в конфликте между Россией и Украиной, потому что Швейцария в этом году председательствует в ОБСЕ, пытается посредничать, добиться переговорного решения.

Прошло два с половиной месяца. Настроение швейцарцев изменилось. Да и председательский год в ОБСЕ подходит к концу.

В пятницу в Брюсселе мы имели возможность поговорить с президентом Швейцарии. Дидье Буркхальтер ответил на вопросы журналистов после встречи со своим тезкой, министром иностранных дел Бельгии Дидье Рейндерсом.

Буркхальтер сказал, что без оптимизма смотрит на развитие событий и на возможности ОБСЕ помочь решению конфликта на востоке Украины. «Единственное, что мы сейчас можем сделать, это стабилизировать ситуацию. Это уже много, но недостаточно», — заявил он. И повторил мантру о том, что это решение может быть только политическим, что важно выполнить минские договоренности и реально прекратить огонь. На фоне стремительного ухудшения ситуации, которое наблюдается с начала ноября, это соглашение остается единственным основой для политического урегулирования, считает Буркхальтер.

Что касается новых санкций Запада против России, то, по мнению президента Швейцарии, «не следует недооценивать ни воздействия, ни опасностей санкций». Иными словами, санкции — это та же война, только экономическими средствами, в которой победы приходится соизмерять с потерями.

Страна, где пересекаются международные потоки капитала, присоединилась к санкциям Запада против России

Дидье Буркхальтер

Новым решением Федерального совета Швейцария берет на себя дополнительные обязательства, чтобы «не дать превратить ее в лазейку, позволяющую обойти санкции, введенные Евросоюзом, США и другими странами». Берн не хочет давать повод для обвинений в том, что он воспользовался войной санкций и контрсанкций для ловли рыбы в мутной воде. Такая репутация ему ни к чему. Но и совсем уж сильно раздражать Москву и терять дипломатического союзника и крупного торгового партнера тоже не хочет.

Швейцария ограничила доступ на финансовые рынки попавших под западные санкции российских компаний. Теперь «Роснефть», «Транснефть», «Газпромнефть», ОПК «Оборонпром», Объединенная авиастроительная корпорация и «Уралвагонзавод», а также пять банков (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Внешэкономбанк и Россельхозбанк) должны просить специального разрешения на заимствования в Швейцарии со сроком погашения более 30 дней.

Еще 24 физических лица (было 95) добавлены в черный список, с фигурантами которого швейцарским финансовым посредникам запрещено устанавливать новые деловые отношения.

После того как конфедерация в августе отказалась участвовать в войне санкций, соседи сразу показали на нее пальцем: мол, вот кто нажился на нашей политической принципиальности. Журналисты ВВС говорили тогда, что Берн «ходит по канату». В сентябре производители «Эмменталю», «Грюера» и других швейцарских сыров продали в Россию 160 тонн своего товара — в 5 раз больше, чем в сентябре прошлого года (еще больше просто не могут, не отказавшись от остальных рынков). Но речь идет не только о сыре. Американские производители насосов для нефтяной отрасли пожаловались, что почти всех их русских клиентов перехватила швейцарская Sulzer.

Теперь, после нового решения правительства, швейцарские фирмы должны предварительно получать разрешение на контракты с российскими партнерами в таких «чувствительных» отраслях, как нефтянка, вооружения и финансы. Соглашению подлежат сделки, связанные с глубоководным бурением, разведкой и добычей нефти в Арктике, разработкой сланцевых углеводородов.

Но никакой сыр и никакие насосы не сравнятся с финансовыми услугами. Значение Швейцарии как междуна-

ного финансового центра четко отражается на ее фондовом рынке, где около половины акций и почти треть облигаций — иностранные. Швейцарские банки выступают посредниками между иностранными заемщиками и кредиторами. Швейцарский фондовый рынок — это перекресток международных потоков капитала.

Правительство Швейцарии дорожит этим источником благосостояния страны и рекомендует банкам следить за любыми экономическими санкциями. В 2010 году финансовый надзорный орган FINMA в связи с ограничительными мерами против Ирана потребовал от банков анализировать правовые и репутационные риски международных операций. Женевский филиал французского банка BNP Paribas, который попытался обойти антииранские санкции США, заплатил огромный штраф не только американцам. Его оштрафовала еще и швейцарская FINMA.

Все мы живем в одном огромном мире, где каждый шаг надо делать с оглядкой на других, просчитывать выгоды и потери. Швейцарцы это усвоили. Вводя санкции против России, Швейцария готова нести потери. Конечно, бизнес этому не рад. Санкции немедленно скажутся на экономике страны, комментирует на своем сайте решение правительства юридическая фирма Caputo & Partners, которая специализируется на обслуживании банкиров, в том числе российских. По ее подсчетам, 80 процентов российской сырой нефти продается в Швейцарии. На эти сделки нужны кредиты.

О глубине экономической зависимости России от Швейцарии говорит даже физическое присутствие российских бизнесменов в красивой, богатой и комфортабельной стране. Там живут или имеют серьезные экономические интересы 22 россиянина, которых принято считать самыми крупными олигархами. В их числе двое фигурантов санкционного списка ЕС и США: Геннадий Тимченко и Андрей Клишас. 2070 российских граждан являются членами советов директоров, президентами или владельцами зарегистрированных в Швейцарии компаний. Около 1800 швейцарских компаний имеют в руководстве российских топ-менеджеров. Большинство из них занято финансовыми и консалтинговыми услугами, торговлей сырьем и продовольствием.

По данным той же Caputo & Partners, в Швейцарии живут 13 тысяч россиян, две трети которых имеют высшее образование и ученые степени. Российские активы в швейцарских банках оцениваются в 15 миллиардов долларов. Российская элита глубоко укоренилась в альпийской стране и не может быть довольна санкциями...

Мир изменился с тех пор, когда нейтральная Швейцария могла чувствовать себя неприступной крепостью за стеной национального суверенитета. Она — часть мировой экономической системы. Не будучи членом ЕС, республика все больше уступает правилам окружившего ее со всех сторон крупнейшего экономического партнера. Пришлось приоткрыть банковскую тайну и перед американскими налоговиками.

Если приходится делать неудобный выбор между одним, даже очень выгодным, но сравнительно малым партнером (Россией) и двумя огромными (США и ЕС), то этот выбор диктуется здравым смыслом. Опять же, мировая репутация и общие европейские ценности...

« В Швейцарии живут 13 тысяч россиян, две трети которых имеют высшее образование и ученые степени. Российские активы в швейцарских банках оцениваются в 15 миллиардов долларов. Российская элита глубоко укоренилась в альпийской стране и не может быть довольна санкциями... »

ДЕТЯМ

ЖИЗНЬ

Фото автора

ЗДЕСЬ!

Я в плену у наркобарона. Он держит меня на цокольном этаже храма: на стене висят мишени, над ними — иконы. Я нервничаю, барон тоже. Я точно знаю: сейчас должен ворваться спецназ. Где же они?.. И вдруг грохот! Комнату заволакивает дым: закинули гранату с газом. В помещение вваливается толпа: трое бросаются к барону, выбивают из-под него стул, заламывают руки, самый крупный бежит ко мне и выводит, прикрывая шитом.

Это — тренировка в православном военно-патриотическом клубе «Доброволец».

Мы с «наркобароном» понарошку теряем сознание. На спецназовцах — жилеты для рукопашного боя вместо броников, граната — учебная, взрывы — «бдыж!» и стрельбу — «паф-паф» — пацаны имитируют. Инструктору с воздушным именем Серафим приходится долго их уламывать. Мальчишки стесняются:

— Чё мы как маленькие! Мы в солдатики давно перестали играть!

— Это кажется вам детской игрой в войнушку, — осаживает их Серафим. — Сейчас вам никто не сопротивлялся, вы вломились к наркоторговцу, он, может, там ванну с дамами принимал... А ты попробуй обезвредить чеченца, у которого охрана поставлена везде. Сомневаюсь, что ты потратишь всего три патрона. Если тебя, конечно, сразу не пристрелят.

Серафим — руководитель операции, ему 19 лет. Он несильно старше своих пацанов, но чувствуется, что общение происходит в рамках строгой иерархии: «Так точно», «Разрешите доложить». Серафим раньше тоже был курсантом военно-патриотического клуба, но «поднялся» до инструктора. Пока не служил, но говорит, что научился всему «на мастер-классах спецназа»:

— Сегодня я сам проводил тренировку, в следующий раз могу позвать инструктора, который воевал в Афганистане. Или соберу личный состав и отвезу его на сборы: мы покупаем пиротехнику и в заброшенных зданиях все отрабатываем.

Выезды бываю и «наподольше». В этом году, принимая во внимание сложившуюся международную обстановку, провели турниры по выживанию. Сценарий был такой: группа карателей — и группа пленных, которых ведут на расстрел, — связывают руки пластиковыми браслетами, надевают мешки на головы. Пленным удается сбежать. Два дня им предстоит выживать в лесу без воды и еды. Возрастных ограничений для участников не было.

Бригады божьей помощи

Если война докатится до России, воспитанники православных военно-патриотических клубов при храмах готовы воевать. А некоторые уже воюют...

Стрельбы, отработка тактики проходят в подвале недостроенного нижнего храма комплекса во имя Собора Московских святых в Бибиреве. На стенах — портреты русских полководцев, распечатка «Символа веры», фотографии из жизни клуба. Стихотворение, аккуратно выведенное синим фломастером: «Александр Суворов, он любил умываться, чистить зубы, отжиматься, прыгать, бегать и скакать, никогда не уставать» (Саша, 7 лет).

Курсанты (их называют бойцами) — все в камуфляжной форме. И, несмотря на это, видно: еще мальчишки. В антракте спектакля про спасение меня из плена ребята обсуждают, как провели выходные и кому «батя купил протеин». После тренировки они играют в народную игру — не знаю ее названия: встав в круг, кидают друг другу деревянную палку под бодрую русскую народную мелодию, задача — не уронить. Запыхавшиеся, взъерошенные, после двух часов беготни в один голос рапортуют: «Рады стараться! Служим православному отечеству!»

Свидетели Стрелкова

Только в Москве действует больше 200 военно-патриотических клубов, охват — около 10 тысяч детей. Каждый клуб декларирует свои цели: кто-то готовит ребят к службе в спецназе, кто-то нацеливает на казачество.

Клубы никто не координирует, они находят друг друга сами — создают ассоциации, проводят общие соревнования и съезды. В середине октября в седьмой раз собрались на «Покровское совещание» — в этот раз под девизом «Поможем Новороссии!». Среди участников помимо

тренеров военно-патриотических клубов были ополченцы, многие из которых в таких клубах и выросли. Ну и говорили в основном про войну, конечно.

Организует «Совещание» ратное объединение «Стяг». Его лидер и идейный вдохновитель — как раз создатель «Добровольца» Александр Кравченко.

Смежное со спортзалом в бибиревском храме помещение служит ему кабинетом, стрельбищем и в то же время музеем добровольческого движения. В 2006 году настоятель храма попросил его основать православный военно-патриотический клуб для детей. Кравченко согласился, но при одном условии: ему разрешат разместить здесь музей.

Он окликает мальчика лет шести в казачьей форме:

— Поддай нам два стула.

Оказывается, это его сын. Александр Александрович, тяжело вздыхая, присаживается. Это грузный мужчина с пышной бородой. На руке наколка «С нами Бог», на груди — золотая медаль Республики Сербской — за храбрость. Кравченко воевал в Сербии с 92-го по 94-й — добровольцем поехал на Боснийскую войну. Там помимо ранений он приобрел важное знакомство с Игорем Стрелковым. Теперь в храме рядом с портретами атамана Ермака Тимофеевича, Богдана Хмельницкого, генерала Деникина висит фотография нового кумира. В витринах рядом с натальными крестиками и иконками советских солдат, павших во Второй мировой, лежит награжденный крест «За оборону Приднестровья» Стрелкова и его самодельный шеврон времен первой чеченской войны.

— Он жил здесь рядом, приходил к нам, — Кравченко рассказывает о

Стрелкове как о ком-то невероятно далеком, почти сказочном. — Передал на хранение музею все сам, еще до этих всех событий, года три назад. А получилось, что это теперь самые ценные экспонаты!

Плакат на стене призывает вступать «в команду стрелковцев».

— А без разговоров о политике не получается ребят тренировать?

— Да какая же это политика! Это воспитательный момент — на героических примерах и прошлого, и современности. Мы считаем, что Стрелков — самый удивительный пример современности нашей российской!

Александр Александрович возвращается на свое рабочее место, достает айпад, проверяет сайт «Стяга», листает новости.

— И ваши подопечные подражают Стрелкову? Едут воевать? — спрашиваю.

Кравченко отрывается от экрана и смотрит в глаза.

— Никого мы туда не отпускаем, — серьезно произносит Александр Александрович. — Даже если взрослые обратятся, скажем: мы категорически против, чтобы вы, конкретно вы, туда ехали! Это не их дело, они к этому не готовы ни физически, ни психически.

Немного подумав, Кравченко добавляет:

— Но осознавать надо, что эта ситуация может тебя догнать.

Так что бойцы пока вершат ратные подвиги на своей земле: собирают помощь ополченцам.

Передают по списку: переносные сумки-холодильники, рации, респираторы, балаклавы, перевязочные материалы, продукты... И икону. Ее Кравченко вручал Стрелкову лично.

— А почему не остались там? — спрашиваю.

— Может, даже при каком-то внутреннем желании повоевать, я не хочу воевать, — задумчиво говорит Кравченко. А потом вдруг уточняет: — Ну не в смысле «не хочу», а в смысле «не могу»: шестеро детей, я три раза ранен. Хотя все может само по себе произойти...

Окончание материала
Екатерины ФОМИНОЙ —

Бригады божьей помощи

— Сказать: «Извините, это не наше дело, типа вы убивайте друг друга, а мы будем смотреть на это безучастно», — мы не можем! Мы же понимаем, что это наш народ, и все это до нас может дойти. Мы переплюнули во всех отношениях то, что происходило в Сербии и Боснии, — по накалу, по трагичности. Очень страшно, я своими глазами это видел: ценность человеческой жизни очень низкая. Это хорошо чувствуется.

«Туда шальные едут»

Вокруг тех, кто уехал на войну, а тем паче — погиб там, выстраиваются настоящие культы. Имя Сергея Ждановича стало одним из первых в злосчастном списке «двухсотых»: он погиб в бою за аэропорт Донецка 26 мая. Жданович был инструктором электрогорского военно-патриотического клуба «Гром», до этого служил в милиции, воевал в Чечне и Афганистане. «Гром» теперь носит имя Ждановича.

С прессой там общаться отказались.

Некоторые друзья «Добровольца» тоже ушли в ополчение. Об этом мне рассказал руководитель одного из отрядов — Денис Тропин, с ним мы познакомилась, когда в какой-то выходной ездили высаживать кедровую аллею «в память о героях Новороссии».

Мы идем от родника с ведрами, чтобы полить кедры, Денис говорит:

— У нас там два товарища: у одного неразделенная любовь, он поехал доказывать, что он мужик. У другого — жена родила, а ребенка ему показывать не хочет, вот он и уехал. Один из них — наш инструктор... Туда шальные едут. Но люди-то хорошие, только не спростлось чего-то. Их никто не учил, как жить в обществе, в семье, вот их и мотает. Воевать идут холостые, в основном за 25 лет.

— А вас что держит? — спрашиваю.

Денис останавливается посреди дороги. Ставит ведро:

— Вот я сейчас женюсь, у меня квартира висит — куда я поеду?

В некоторых воспитанниках военно-патриотических клубов война проросла глубоко, сама по себе, без всяких ссылок на интересы беззащитной Новороссии, даже напротив. Денис вспоминает парней, с которыми они когда-то прежде собирали гуманитарную помощь детским домам. Ну вот, а теперь они воюют «за укропов».

— Они всех ненавидят, не только русских, у них там «белый батальон», все язычники. Романтики Третьего рейха — повально: «Айдар», «Азов»... Я им желаю, чтобы они там остались, желательно в горизонтальном положении. Они здесь воду баламутили, теперь там баламутят. У нас же цель — живыми быть, нам детей воспитывать, создавать общину надо!

Псевдовооруженные формирования

Во всех военно-патриотических клубах жалуются, что государство их не поддерживает. Клубы создаются как общественные организации, на почве, сдобренной афганской и чеченскими войнами.

В начале десятилетия военно-патриотические организации пытались встроить в систему: «Росмолодежь» просила некоторые клубы за деньги брать на перевоспитание «экстремистов», засвеченных в беспорядках на Манежке. Во всяком случае, об этом рассказывает Кравченко: «Добровольцу» поступало такое предложение. Но сумма показалась непропорциональной силам, которые надо приложить. Так и осталось государство сторонним наблюдателем, оно покровительствует пассивно: с 2001 года составлены три государственных программы «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации», в 2010-м вступила в силу «Концепция федеральной

Духовное воспитание «витязей» в «Пересвете», Коломна

системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года».

Четыре года назад письмо против «Концепции...» подписала российская интеллигенция: Людмила Алексеева, Елена Боннэр, Светлана Ганнушкина, Лев Пономарев, Борис Стругацкий, священник Глеб Якунин... «Псевдовооруженные формирования опасны для страны и для детских душ, — считает еще один подписавший письмо — Борис Альпшуллер, член Общественной палаты, руководитель организации «Право ребенка». — Они нагнетают ненависть на самом примитивном уровне. На фоне того, что происходит сейчас в стране, эти клубы в последнюю очередь одернут. Страна выбрала такой способ самоуправления, как тяжелейшим наркотиком. Но как запретить батюшкам говорить все, что они думают, в детских клубах, когда с экранов аналогичные вещи произносят авторитетные люди?»

Потенциальные бойцы

В потемках тверской Никольской церкви девочка лет пяти протирает подсвечники. Свечи уже потухли, свет струится из-под двери, за которой идет занятие православного военно-патриотического клуба «Пересвет».

В одноэтажной пристройке к церкви все оборудовано для занятий спортом: боксерские груши, маты на полу. Но на стенах в несколько рядов висят иконы и дипломы с соревнований. Под большим ликом Христа — флаг клуба с надписью: «За други своя». «Нет больше той любви, как отдать жизнь свою за други своя», — цитирует девиз клуба его руководитель Виктор Васильев. Этот невысокий, крепкий лысый мужчина — бывший инструктор по боевой подготовке ОМОНа. Тоже воевал.

— Я уже отдал свой долг родине, отвоевался. Каждый в определенное вре-

мя должен заниматься своим делом, — говорит он воодушевленно, словно с подмостков театра. — Теперь воцерковился, чувствую, что должен детей учить. Каждого Господь приводит к вере своими путями, но нас, грешных, в том числе и меня, лишь скорбными.

Да и в целом у родины нашей какой-то скорбный путь, если верить Васильеву.

— Молодые люди — все потенциальные воины, даже девочки, — уже серьезно смотрит на меня бывший омовец. — На нас много врагов нападает! В Великую Отечественную подростки собирались в тылу врага и воевали за свою родину.

— А с какого возраста можно давать оружие детям?

— Ну как давать? Они уже сами берут. Раньше в войну играли лет с семи, да?

Как говорит Васильев, «физическое воспитание невозможно без духовного, это все равно что меч дать человеку безумному, и он себя порубает и близких своих».

— Ко мне недавно обратилась женщина, которая в епархии работает, ее сын захотел воевать на Донбассе, — подхватывает разговор духовник клуба отец Сергей. — И она его не может отговорить. Я дал совет: пусть сначала здесь, на мирной территории, попробует позаниматься в этом направлении. Это полезно, в том числе для людей, которые в будущем будут защищать нашу родину. Реально защищать.

В клуб, оказывается, часто приходят со своими проблемами, не только про войну речь. При мне в церковь зашел парень лет 25, в кожаной куртке, что-то нашептывал на ухо отцу Сергию.

— Вот пришел, — подводит парня к Виктору отец Сергей. — На спайсе сидит, но хочет слезть.

— Распространяете? — хмурится инструктор. — Знаем мы таких: вливаются в клуб, а потом среди наших начинают продавать. Принесите все документы: я бывший сотрудник, проверю вас.

Что может говорить церковь

Отец Игорь (Тарасов) на построении строг. Обращается к пацанам совсем не как к детям. Да и разговор недетский:

— Многие старшие воспитанники, уже отслужившие в армии, сейчас воюют на Донбассе, добровольцами ушли туда. Они рассказывают, что важна та подготовка, которую они получили в клубах!

Перед ним в шеренгу выстроились шестнадцать мальчиков от 9 до 16 лет. Про войну отец Игорь рассказывает детям в помещении Центра охраны материнства и детства. Места там немного, так что стоят плечом к плечу. Этот православный военно-патриотический клуб, кстати, называется тоже «Пересвет», но он в Коломне, ничего общего с тверским не имеет: просто клубы часто называют именами былинных героев.

Отец Игорь словно бы читает проповедь. Журит парней: в выходные не все пришли на «марш-бросок», который был по желанию:

— События в Украине накладывают отпечаток на жизнь всех, кто готовится к достойному выполнению воинского долга. Я думаю, что и нам надо учитывать это. У нас есть бойцы, которые носят черные береты, называются «витязями», уж они должны на эти марш-броски без всякого приглашения идти. Звание обязывает.

— А как церковь относится к людям с оружием? — встречаю я.

— Вы сама-то православная? А причащаетесь? — вместо ответа спрашивает меня отец Игорь.

После построения младшие идут к батюшке на урок, где разговор о Новороссии продолжается. Иду и я, сажусь на галерку. Отец Игорь рассказывает о приказах, запрещающих материнство и алкоголь, которые ослабляют воинский дух, в отрядах Стрелкова.

— Мы с вами сражаемся не только, когда вас призовут в армию, мы каждый день сражаемся с врагом духовным, битва наша продолжается и сегодня, — поучает отец Игорь. — Мир нас старается сделать своими пленниками, появляются различные моды... Я смотрю, Михаил там сидит, коса у него, как у девочки, отпущена.

Все плятятся на Михаила. Мальчишка на второй парте дергается, конфузится.

— Когда ты стригся последний раз? — насаждает батюшка. — Вот вам, пожалуйста, — послабление во внешнем виде, прическа — первое, с чего начинается сползание мужского достоинства в какое-то непонятное состояние. Вроде бы мелочи, а потворствование миру, который во зле лежит...

— Пойдемте, посмотрите, как стреляют, — из-за спины ко мне подходит руководитель «Пересвета» Павел Викторович Беляев, с которым мы и договаривались о моем присутствии на занятиях.

— Спасибо, но я хочу дослушать про соблазны!

— Нет, нет, пойдемте, — увлекает настойчиво меня за собой Павел Викторович.

Выхожу из класса.

— Поступило требование сверху: на стрельбу вы можете посмотреть, но духовный вопрос может быть использован специфично, некорректно, — говорит Беляев. — Если бы вы были родительницей и пришли посмотреть, я бы был спокоен, но когда это касается прессы... Священник — представитель церкви, и то, что он говорит детям, не всегда может соответствовать тому, о чем может говорить церковь, потому что это его дети, он с ними пуд соли съел.

Из помещения, оборудованного под тир, кричат:

— Вань, иди стреляй!

Инструктор по военной подготовке и мне дает пистолет.

— Первая ошибка: долго целишься. Стреляй!..

В «Новую газету» регулярно поступают материалы, касающиеся «внутренней кухни» ДНР и ЛНР, подготовленные самими участниками событий. Некоторые из них обращаются к нашим журналистам, находящимся в зоне конфликта, некоторые сами приезжают в Москву во время так называемой ротации. Не каждая информация оказывается достойна внимания, но некоторые сведения мы считаем важными. Как, например, этот попавший к нам рапорт воюющего в ДНР доктора Юрия Евича, написанный им в «МВД» и «МГБ» республики. Евич фигурировал в телесюжетах, публиковался в альманахе «Искусство войны», в интернете его называют героем Новороссии. Ставя под некоторое сомнение порядок в голове доктора (читайте его переписку с «Новой газетой» на нашем сайте), мы все же посчитали необходимым этот рапорт опубликовать. Это любопытный документ, характеризующий как порядки и нравы в ополчении ДНР, так, впрочем, и самого доктора.

Евгений ФЕЛЬДМАН — «Новая»

«Д» овою до Вашего сведения, что в подразделении (бригада спецназа, отряд Крота, рота Капы) имеют место следующие нарушения. <...>

Днем 27.09.2014 мною, по приказу ротного Капы, был составлен список медработников подразделения с указанием выполняемых ими задач и другой информации — для представления командованию. Вскоре после этого мне позвонила Юлия (телефон <...>) — особа, не имеющая никакой должности в подразделении, но состоящая в близких отношениях с бойцом Японец. <...> В телефонном разговоре она задавала мне странные вопросы типа: «Вы занимаетесь распределением гуманитарки?» и условилась о встрече.

Вечером я вышел для общения с ней к главному входу, с медсестрой нашего военного-медицинского расчета, с которой мы всегда выезжаем на боевые и осуществляем там обслуживание нашего подразделения, позывной Ангел. Однако присутствовавшая здесь Юля даже не стала с нами разговаривать: вместо нее подошел Японец, который в крайне агрессивном тоне в присутствии рядовых бойцов начал мне грубить, задавая следующие вопросы:

— Кто вас назначил начмедом подразделения? <...> Кто назначал всех этих людей? — он предъявил мне список сотрудников медчасти, составленный мною ранее по распоряжению ротного.

— Их никто не назначал. Они сами уже много месяцев здесь работают по факту, лечат людей, не получая ни копейки за это.

— Вы тут никто, сдайте оружие и покиньте расположение части!

— Оружие вы мне не выдавали, не вам его у меня и отбирать! — ответил я, и мы с Ангелом удалились с места событий. При этом Японец оскорблял нас, в том числе нецензурно. И угрожал расправой.

Я немедленно связался с командиром роты Капой и сообщил ему о случившемся. Он приказал, чтобы мы оставались в расположении. Тем временем Юлия зашла на наш стационарный медицинский пункт и заявила работающему там нашему доктору, Евгению Ивановичу, что «Юра с Ангелом уже в этом подразделении не служат», и в ультимативной форме предложила ему стать «начмедом подразделения», от чего тот незамедлительно отказался. <...>

На следующий день были назначены похороны наших погибших накануне бойцов. <...> После похорон <...> мне позвонила Марина (телефон <...>), которая давно занимается вопросами поставки медикаментов <...>. Она мне сообщила, что доставлены отправленные лично на мое

Военно-полевой детектив

Публикуем рапорт доктора, воюющего в ДНР. Помимо кровопролитных боев ополченцы участвуют в любовных интригах, междоусобных разборках и разделе российских гуманитарных грузов

имя медикаменты от организации, с которой давно и плодотворно сотрудничаем, — «Гуманитарные войска Спасем Донбасс»¹, и что их сейчас по распоряжению Сан Саныча (начальник тыловой службы нашей бригады) выгружают у его склада.

Мы незамедлительно прибыли на базу и распорядились отнести медикаменты на медицинский склад, к неудовольствию присутствовавшего здесь Сан Саныча.

Медикаментов было достаточно много, порядка кубометра, и они оказались весьма актуальными для текущего лечения личного состава, а следовательно, имеющими коммерческую ценность. У нас незамедлительно возникло предположение, что вчерашняя попытка изгнать нас из расположения части связана с тем, что вышеупомянутые лица (Сан Саныч, Крот, Капа, Японец, Юлия) знали о скором прибытии медикаментов и стремились избавиться от адресата, чтобы использовать их по своему усмотрению.

Для прояснения сложившейся ситуации мы незамедлительно связались со своими контактами в МВД и МГБ. <...>

Мы полагаем, что командование само разберется в происходящем, однако уже утром следующего дня (29 сентября. — Ред.) произошли следующие события: мы обнаружили, что наша военная скорая машина медицинской помощи исчезла из расположения части. <...>

При опросе водителя нашей «скорой» выяснилось, что накануне вечером ротный Капа приказал ему съездить за алкогольными напитками на «скорой» <...> и

¹Имеются в виду петербургские движения «Гуманитарные войска» и «Спасем Донбасс», которые объединились для сбора гуманитарной помощи.

далее привлек его к участию в распитии этих напитков, при этом водитель <...> заподозрил неладное и спрятал ключи от машины в специально помеченную пачку сигарет, каковую и спрятал у себя в нижнем белье. Утром после тщательного обыска эта пачка была обнаружена среди личных вещей Лисы (телефон <...>), бойца, которая находится в личном распоряжении Капы, является воровкой-рецидивистом и была изгнана из Горловки Безлером, по слухам, именно за данное свое пристрастие.

После того, как утром была поднята тревога по поводу отсутствия на территории «скорой», комбат Крот и ротный Капа вызвали к себе водителя и поставили ему задачу срочно и особо секретно ехать в Макеевку и забрать там «скорую». При этом Кротом был указан точный адрес нахождения данной машины. Водитель наверняка поехал бы туда, но ему почти сразу же позвонила знакомая по совместному участию в боевых действиях снайпер Боня (телефон <...>) и сообщила, что находится в засаде в Макеевке и ей отдан приказ на его, водителя, ликвидацию, когда он приблизится к «скорой».

В довершение остается добавить, что сегодня утром, 29.09.2014, непосредственно во время указанных событий, у медсестры Ангел от перенесенного стресса развилось острое нарушение мозгового кровообращения (в просторечии — инсульт), и с этим диагнозом она была срочно госпитализирована в первый военный госпиталь прибывшей оттуда машиной скорой медицинской помощи в моем сопровождении. Во время ее эвакуации Крот громко выражал недовольство наличием машины СМП на территории части, а также нашим отбытием в госпиталь, но

воспрепятствовать ему не успел. Таким образом, на основании расчета времени является наглядным, что на момент запланированного прибытия водителя нашей военной скорой медицинской помощи, угнанной ранее, к месту ее нахождения и его запланированного убийства там, мы с ней должны были находиться в расположении части, откуда нас было бы удобно вывезти под видом ареста, однако по чистой случайности этого не произошло.

Наиболее естественным является предположение, что запланированный организаторами дальнейший ход событий должен был быть таков: мы пропали без вести (их объяснение: сбежали на карете скорой медицинской помощи, предварительно вывезя все лекарства), водитель, который был в курсе наших «махинаций», убит нами (то есть он застрелен снайпером, но в нашей группировке войск широко известен тот факт, что вторая воинская специальность нашей медсестры — Ангела — снайпер).

<...> Теперь медикаменты, которые привозит Марина из Питера по своим каналам для всех подразделений (а не только нашего), складываются на складе Сан Саныча. Меня в Питере знают лично, со мной общаются, я подтверждаю получение и контролирую целевое использование лекарственных средств, получаемых лично на мое имя для моего подразделения. Однако теперь, находясь в той части, где находится склад, мог выжить нецелевое использование медикаментов для других подразделений (а это гораздо больше, чем направлено на мое имя и мое подразделение) и сообщить об этом факте в Питер.

В завершение всего вышеизложенного мне остается добавить, что машина военной скорой медицинской помощи обнаружена группой разведчиков нашего подразделения и доставлена в расположение нашей части, непосредственно участвовавшие в ее угоне лица задержаны и сейчас дают показания.

Полностью рапорт и комментарии его героев читайте на сайте «Новой»

P.S. Известно, что автору рапорта стоило большого риска передать документ в «охранные» ведомства ДНР.

ЖИЗНЬ ОТСЮДА УШЛА, А ЛЮДИ ОСТАЛИСЬ

Э то уже обычная для окраин Донецка картина — снеженные крыши, разрушенные стены, болванки от «Градов», торчащие из газонов и асфальта, молчание и пустота улиц. В картине Петровского района — он на отшибе к западу от центра — присутствуют еще и люди. Можно встретить мам с колясками — жен шахтеров с «Трудовской», старух, торгующих яблоками из ведра. На разнесенной снарядами площади у автостанции дежурят три маршрутных «пазика». Вокруг разрушено почти все, но три «пазика» стоят как ни в чем ни бывало.

Человеческая жизнь отсюда ушла несколько месяцев назад, а люди остались. Почему-то они так и не ушли с Петровки. Хотя война идет прямо здесь, в районе — вплотную к этой Петровке примыкает Маринка, поселок, контролируемый украинскими войсками. Воюющие стороны разделяют две высокие горы с породой, поднятой с 300-метровой глубины на «Трудовской». Но снаряды перелетают даже через эти терриконы. И если начинается обстрел, местные бегут через развалины своей Петровки в бомбоубежище, обустроенное в дирекции шахты. Но когда стихает, выходят — до следующего артобстрела, и снова бегут назад. Не все успевают добраться.

Многие и не выходят. Бухгалтеры «Трудовской» сидят в подвальной комнате, заставленной компьютерами. Шахта не работает, но женщины все продолжают что-то считать.

— Ну что, стреляют там? — спросила женщина в бесформенном свитере. — Правосеки не атакуют?

— Никто не атакует, — говорим.

— Господь услышал мои молитвы, — откликнулась одна из бухгалтеров. А другая, лет 45, оглядела нас с улыбкой и сказала: «Мальчики, а вы не к нам?»

С волонтером Димой из группы «Ответственные граждане» мы привезли кое-какие вещи для обитателей бомбоубежища. И мягкую игрушку для Насти — 7-летней девочки, которая живет здесь с матерью. Когда Дима был здесь последний раз, Настя попросила панду. Они жили с матерью в общей подвальной комнате с матрасами. Сегодня в бомбоубежище ни ее, ни мать мы так и не нашли. Может быть, вернутся вечером, объяснили нам бухгалтеры.

У проходной шахты курят двое охранников, рядом выются бродячие собаки. Заметив машину Димы, и те и другие с интересом ждут, что появится из багажника. У одного из щенков трясутся лапы, как будто его лихорадит.

— Да контуженый он, — говорит мне один из охранников. — Не хочешь забрать? У нас тут таких видишь — полно...

«Ответственные граждане», надо сказать, пока вообще единственные, кто на постоянной основе занимается гуманитарной помощью на подконтрольных ДНР территориях.

На днях ребята привезли сто с лишним одеял в психиатрическую лечебницу на Петровке — все последние месяцы она находится в зоне активных боев. Одежда, как заверил волонтеров главврач, получены и в полном объеме распределены среди пациентов. Мы едем проведать обстановку и узнать, нужно ли что-то еще.

В психиатрической клинике ополченцы делят палаты с пациентами. Блокпост от больницы убрали совсем недавно

— Работа вообще на свой страх и риск, — говорил мне Дима по дороге в лечебницу. — Нас почти не трогают, потому что кто тогда будет заниматься кинутыми?

— А вот эти гумконвой как же?

— Слушай, сколько уже их было, но ни я, ни кто другой ничего российского в регионе вообще не видел. Так что даже не спрашивай меня про эти гумконвой.

Еще совсем недавно на территории психиатрической клиники дэнээровцы держали блокпост. Сейчас блокпост перенесли почти к самой Маринке. Но блиндажи при въезде на территорию диспансера так и остались. Мы паркуемся у распахнутых ворот и идем к входу. Тут и там на земле — воронки от снарядов, пробитый высокий кирпичный забор. Шестиэтажки-близнецы из бледно-красного кирпича виднеются в легком тумане. Из ближайшего зарешеченного окна на нас смотрят четыре пары глаз. А из соседнего окна доносится мужской плач. На закрытом сеткой балконе закуривает папиросу женщина в тельняшке.

— Иисус, прогони их всех, и мы покаемся, — говорит она, втягивая дым. — Будь мужиком и защити.

— Надя, хватит, — зовут изнутри. — Проветрилась, заходи.

— Каратели, — негромко говорит Надя. — Не видишь, дама курит.

М олодой и бодрый главврач Евгений встречал нас в своем кабинете. Полки заставлены книгами и журналами. На стене фотокопия ваноговского «Подсолнуха» в окружении крупных черно-белых портретов Мадонны. Играет радио с европейскими хитами.

— Врач не может быть за войну, — начинает Евгений. — Врач не может приветствовать страдания людей — не важно, с какой стороны. Но мы оказались на этом краю. Нас столкнули, понимаете?

Между книг в шкафу воткнут небольшой флажок ДНР. Евгений показывает письмо департамента здравоохранения Донецкой области. Персоналу клиники предлагается переехать вместе с пациентами в Мариуполь.

— Как они это представляют себе? Нет, мы не можем это осуществить — перевезти почти две сотни пациентов. Ну а раз не можем, нас всех уволят.

— И пациентов?

— Это практически произошло. Государство прекратило снабжение лекарствами, врачи не получают зарплату. Осталось только покончить с нами формально. Тем более клиника уже переподчинена ДНР.

Я спросил Евгения, почему дэнээровцы из всех строений выбрали именно лечебницу — под нужды блокпоста.

— А кто знает, — сказал главврач. — Они и сейчас у нас живут — пара десятков человек во втором корпусе. Днем служба, ночью спят, крыша над головой есть, а нам спокойнее, вроде же как нас защищают.

— Но вас же обстреливали?

— Еще как! У ополченцев гаубица как даст, в течение часа ждем ответа.

Как пострадала лечебница от обстрелов, мне показывает старшая медсестра Анна Николаевна. Поднимаемся на шестой этаж в общее отделение.

— Каратели попали в окно коридора, — говорит невысокая плотная сестра. — И вот там, на посту — залетело в окно и ударило в стену. Слава богу, сестры не пострадала.

— Да, Господь нас берегает, — сказала другая сестра. — Сколько этих обстрелов было, сколько окон побило, никто, тьфу-тьфу, не пострадал.

— А пациенты?

— Все целые, невредимые, — сказала Анна Николаевна. — Сейчас мы пообщаемся. Лена, отведите.

— Но суды же сейчас не работают. — Вот я и говорю. Люди добровольно едут и без суда, — улыбнулась Лена.

— Пациенты у нас очень хорошие все, — вмешалась старшая сестра.

— Есть хорошие, а есть еще с мозгами, — сказал позади мужской голос.

— А это Славик, — сказала Лена. — Он наша прелесть. Добрый, милый, любит полы мыть.

— Священник я! Выпускник семинарии, но был изгнан за пьянку, — сказал высокий пожилой мужчина в телогрейке.

— Видите, какой прекрасный! Да, Славик?

— Какой я тебе Славик? Для тебя я Вячеслав Первый!

— Ну-ну, не гоношись, уйди в палату, — сказала старшая медсестра. И Славик скрылся за дверью с открытой фрамугой. — Вообще он у нас хороший.

— Как на воле? — негромко спросил через фрамугу Вячеслав Первый и тут же громко продолжил: — А у нас все хорошо!

« — Вот вы сами видели, какие у нас прекрасные люди, — говорила мне Анна Николаевна, провожая. — Какие правильные вещи говорят. Между прочим, у нас тут и выборы были. — Как же голосовали? — Как-как, конечно, за Захарченко! »

Психиатр из общего отделения Лена повела нас по палатам. В отделении было всего шесть или семь палат. Двери раскрыты, но пациенты все равно сидят внутри. Дверь одной из палат с решетчатым окном закрыта на задвижку. «Это для буйных, но буйных у нас здесь нет, — сказала Лена. — Вот Аня Безфамильная. С 2004 года к нам поступила, и так и живет. Фамилию не помнит, ничего не помнит».

— Безфамильная я, — сказала девушка в платке. — Но живу хорошо.

— А остальные как живут? — громко спросила доктор. — Корреспондент с Москвы приехал.

— Хорошо живем, — сказала женщина с дальнего конца.

— Пациенты разные, — говорит Лена. — Кто-то амбулаторно ходит, кто-то добровольно лежит, кого-то привозят принудительно по решению суда, если он опасен как-то.

— Как вы сюда попали? — спросил я. — Я вам хочу сказать вот что, — сказал Вячеслав Первый, — они здесь все того, вы понимаете, все?

— В смысле?

— Ну присмотритесь. Все здесь сумасшедшие.

— Что ты говоришь такое, Славик?

— А что я говорю? — сказал Вячеслав. — Разговор, как всегда, о фашистах. Нас окружили фашисты! Порошенку на парашу, победа будет наша!

Я спросил старшую сестру, откуда пациенты узнают новости.

— Так оттуда же, откуда мы, — обрадовалась вопросу Анна Николаевна. — Вместе с нами смотрят.

— А что смотрите?

— Да только ваше, российское, и смотрим, — сказала Анна Николаевна. — Правдивая информация у вас там идет, все вам это подтвердят. Нету вот этой лжи, как на украинском телевидении.

Reuters

Из палат к нам выходили другие пациенты — в основном женщины, многие в платках и старых сарафанах, с жилистыми шеями, руками, многие почти без зубов. Женщины молча ждали, когда мы начнем спрашивать, и первыми говорить не начинали.

— Как вам новые одеяла? — спросил я.

— Нету одеялов, — ответила нам женщина в шерстяных колготках.

— Как это нету? Есть одеяла, — вступила Анна Николаевна. — Просто не приклеили еще бирки.

— Как в целом живется?

— Ну как, — задумалась женщина в колготках. — Не знаю даже.

— Скажи — хорошо: кормят неплохо, тепло есть...

— Одеялов нету, — повторила женщина.

— Покаяться надо Иисусу Христу.

— Да есть одеяла! Вот заладила, — смутилась Анна Николаевна. — Пойдемте дальше.

— Пенсию не дают, — заговорила нам вслед женщина.

— Так Украина и не дает, — сказала старшая сестра.

— Не дает, — повторила женщина и заплакала.

Те самые ополченцы, о которых говорил главврач, жили в соседнем корпусе-близнеце. Здесь им выделили правое крыло последнего этажа. А в левом так и живут пациенты. Палаты ополченцев вместо дверей прикрывают одеяла. Изнутри доносится звук включенного телевизора. Из-за одеяла показывается человек в бесформенном камуфляже.

— Виктор — наш защитник, — сказала Анна Николаевна. — Мы очень рады, что ребята с нами сейчас.

— Ничего, скоро кончим, — сказал Виктор. — Раздадим укропов и будем жить!

— Где будете жить?

— Отстроим все заново, города, поселки, предприятия! — сказал Виктор. — Главное — победить.

— Да хоть у нас пусть живут, — вздохнула старшая сестра, — лишь бы отогнали от нас этих извергов... А вот Саша идет, пациент. Саш, расскажи-ка, про войну.

— Я считаю, правильно мужики делают, — сказал Саша, молодой мужчина в фуфайке. — Война с мучителями — дело хорошее.

— Согласен, — сказал ополченец Виктор.

«Вот вы сами видели, какие у нас прекрасные люди, — говорила мне Анна Николаевна, провожая. — Какие пра-

вильные вещи говорят. Между прочим, у нас тут и выборы были». Когда мы выходили из корпуса, старшая сестра показала агитплакаты, приклеенные на стене подъезда.

— Как же голосовали? — спросил я сестру.

— Как-как, конечно, за Захарченко! — снова обрадовалась Анна Николаевна. — О, у нас пациенты всё знают и понимают, все хотели голосовать. Ну, кроме некоторых, знаете, кто совсем не мог...

Гражданское бомбоубежище находится в нескольких сотнях метров от лечебницы — в частном секторе. По сути, это обычный подвал, оборудованный под поляной, — глубиной всего около метра. Внутри работают калориферы, но все равно сыро; в комнатах — запахи грязной одежды и влажного бетона. Под потолком, — 60-вольтовая лампочка. Работает небольшой телевизор. В подвале этом живут несколько неполных семей — женщины от 35 до 50 с детьми. Муж есть только у Вали — безработный шахтер, шахту затопило недавно. С тремя детьми в подвале живет и 24-летняя Нина. Старшей 7 лет, младшему 6 месяцев. На лице Нины и у ее детей — стрептодермия. При этом женщины и дети спят на матрасах. По подвалу бегает беременная дворняга, похожая на таксу.

— Куда нам еще пойти? — говорит Валя. — Выйти на улицу страшно, бежать отсюда — куда? Нас никто нигде не ждет.

— Вам надо хотя бы проветрить помещение, дезинфекцию провести, — говорит Дима.

— Все равно потом так же станет. Жить невозможно и уйти некуда! Только и молимся, чтобы наши победили.

— Я привезу лекарств, — говорит Дима.

— Нуروفена если только. А то заболит что-то, хотя бы не чувствовать.

После бомбоубежища Дима едет в обстреливаемый со всех сторон Киевский район. Застраившие там люди тоже ждут помощи.

Павел КАНЫГИН,
спец. корр. «Новой»
Донецк

P.S. Группа «Ответственные граждане» нуждается в спонсорской поддержке — деньгами, вещами, лекарствами для людей. Связаться с ребятами можно через их страничку на фейсбуке.

ЗОНА ОЛЬГИ РОМАНОВОЙ

Пара пощечин

Мужа Наташи зовут Дмитрий Новосельский, и нам очень бы хотелось, чтобы о нем знали его коллеги по работе, соседи и родственники

Передо мной сидит красивая блондинка в красном. Не из женщин типа вамп, а такая, знаете, с щечками, почти без косметики, миниатюрная — вот из той редкой породы, когда мужчины женятся сразу без оглядки. Просто коллекция штампов под названием «идеальная жена». Ее зовут Наташа Туникова, и в самое ближайшее время она может оказаться в тюрьме по обвинению в совершении преступления «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека» — до 8 лет.

Наташа ударила ножом мужа.

Муж выжил, восемь дней пролежал в больнице, потом уехал снимать стресс в Египет. Я читаю его показания: «Он бил меня регулярно с 2012 года... больница... вызывала «Скорую»... опять вызвала «Скорую»... закрытая черепно-мозговая травма...» и т.д. Читаю его показания: «За прожитые три года у нас было много конфликтов, но чтобы я применял силу — такого не было, максимум две пощечины». Ну и было уголовное дело в отношении мужа Наташи — он сильно избил человека, дело дошло до суда, но в суде дело прекратили за примирением сторон.

Спрашиваю: «Наташа, ты почему не ушла, раньше не ушла, давно не ушла?» Наташа пытается объяснить: «Он меня называл «моя королева». Букеты, ухаживания, восторг. Он был рыцарем и все время повторял, что не верит своему счастью: как я, устроенный в жизни юрист, могла полюбить простого слесаря... Потом он начал пить, курил что-то... Пахнет так странно, не табак...» Понятная история: она ждала, что наваждение уйдет, а рыцарь вернется.

Наташа приехала в Москву из Инты вместе с дочерью. Дочь поступила в институт, жила в общежитии, Наташа работала юристом. Встретила Диму — он тоже из Инты, родители его — известные в городе люди. Роман, любовь, счастье, потом — другое. И куда Наташе было с этим идти? В большом чужом городе у нее не оказалось ни подруг, ни родственников. Дом — работа, работа — дом. Она искала кризисные центры, где ей могли бы помочь, но находила за вывесками шарашкины конторы. И в одно несчастливое раннее августовское утро они начали ссориться, Дима избил Наташу и поволок за волосы к кухне, Наташа цеплялась за все — и за кухонный стол, на котором лежал нож.

Наташа ударила.

Дима не потерял сознания, сам вызвал «скорую» и полицию. Сам спустился к машине, а Наташу увезли в отделение. Наташа просила вызвать «скорую» и ей — но госпитализировали ее только после двух дней в ИВС. Как с ней обращались в полиции, как вели себя медики — догадаться несложно, все видели перед собой бабу, которая пыталась зарезать мужа. Побой? Да она бомжиха, она сама. Голова кружится? Да она пьяна. Корректно вел себя только конвой, сопровождавший в ИВС, да и то понятно, почему: опытным конвойным никак не надо, чтобы потом побои приписали им. Уже позже, в больнице, у Наташи были

диагностированы закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение мозга и прочий букет.

Наташина дочка тем временем нашла для мамы адвокатов по интернету (никогда так не делайте). В общем, Наташа потеряла с ними время, все деньги и веру в человечество. Ситуация практически безвыходная, и Наташе в голову приходили самые радикальные мысли о выходе из жизненной ситуации и из жизни вообще. Но дальше случилось маленькое чудо: дочка Наташи в отчаянии обратилась к своим преподавателям, а окончила она МГЮА с красным дипломом. Они и начали помогать Наташе, за что им слава и почет — Евгению Рубинштейну и Глебу Глинке. Они и привели Наташу в «Русь Сидящую».

Мы знаем, что такое женские тюрьмы и кто там сидит. Таких, как Наташа, в тюрьмах пруд пруди. Порядка трех тысяч женщин ежегодно попадают в тюрьмы вот именно таким путем. А от 10 до 14 тысяч женщин в год гибнут в России в результате семейного насилия и бытовых ссор. И нет к ним снисхождения. «Бьет — значит, любит», а также «сама виновата».

Что может сделать женщина в такой ситуации? Во-первых, подавать в суд на поднявших руку надо самим — в мировой суд. В порядке частного обвинения доказывать, что имело место избиение и добиваться осуждения обидчика по статье 115 УК — «умышленное причинение вреда здоровью». Если суд выносит решение в пользу женщины, это будет основанием для перекалфикации обвинения. В этом случае речь будет идти о самообороне, которая, согласно Уголовному кодексу, не является преступлением. Кстати, уголовное дело Наташи Туниковой по поводу удара мужа ножом было заведено просто по факту, еще до заявления самого пострадавшего. В то же время уголовного дела о побоях, которые нанес Наталье муж, до сих пор нет и в помине.

Во-вторых, девушки, здесь нам с вами необходима солидарность: ходите на эти суды. Вот у Наташи Туниковой будет заседание в Кузьминском суде в среду, 19 ноября, в 16.00 — на сайте суда посмотрите подробности.

В-третьих, и Наташе, и ее дочери нужна и помощь психологов, и поддержка общества. Ситуацию давно пора переломить. И подвергать административному наказанию любого, кто посмеет сказать «бьет — значит, любит», а также «сама виновата».

А Наташа Туникова будет бороться. И как бы дальше ни сложилась ее судьба, ее работа будет связана с помощью женщинам, попавшим в подобную ситуацию. Наташа приняла для себя сложное решение — идти с этим своим опытом к людям. Объяснять, помогать, поддерживать, защищать. В общем, нашего полку пришло.

А мужа Наташи зовут Дмитрий Новосельский, и нам очень бы хотелось, чтобы о нем знали его коллеги по работе, соседи и родственники. Это существо, которое искренне считает, что пара пощечин женщине — это почти комплимент.

Роман
ТИМЕНЧИК:

«У культуры сильный инстинкт самосохранения»

Известный ученый — о «науке непонимания», хитрости символистов
и почему русская литература «может отдохнуть»

Регресс не стоит на месте. Если в 90-е годы, в эпоху захлестнувшей всех гласности, жанр кухонных разговоров сменился пересудами теленовостей, то наше время шагнуло дальше: сведения даже не обсуждаются, а просто сортируются по ячейкам «свои—чужие» и маркируются в диапазоне «От козла слышу» до «Молодец, мужик». Комментарий вытеснил беседу, анализ, статью — все то, что требует больше трех слов и одной эмоции. Компрометирует ли это почтенную науку комментирования, направленную на прояснение смысла и уяснение исторического времени? Вопрос задаю литературоведу с мировым именем Роману ТИМЕНЧИКУ.

документы, затмевавшие любого казенного зоила, — от души!

Если мы не покажем такого читателя, мы не поймем ту эпоху, в которой жил писатель, с которой хотел вступить в диалог. Он может презрительно к ней относиться, может «замкнуть слух», но все равно держит в сознании. Есть исторический анекдот, как Блок загоддо смерти составлял комментарий к Лермонтову. Он, филолог по образованию, стал заниматься обычной филологической работой. Ему говорят: надо попроще. Блок стал писать: «Платоническая любовь» — «любовь без взаимности»; «лорнет» — «вроде очков, только с ручкой» и так далее. Шутил, что, объясняя, что такое «София», напишет «София».

Нового читателя точно спортретировал Осип Мандельштам в эпиграмме про комсомольца, который решил живописать дворянский быт и написал, что «на закладной под звуки колоколец помещик в подорожную спешит». Упаси боже смеяться над этим читателем! Этого читателя, как и читателя наших дней, надо изучать. Для международного издания «История русской литературы» наш коллега Жорж Нива предлагал написать историю советского комментариста. Работа трудная. Скажем, надо смотреть, какую рукопись комментария подавал автор в издательство и что потом получалось на выходе. В библиотеке Чикагского университета хранится курьезный экземпляр московского издания 1931 года «Блок о литературе». В этом экземпляре по недосмотру склеены притык два варианта комментария: первоначальный, запрещенный цензурой, и следующий, после цензурного вмешательства. И можно видеть, как из объективистских формулировок про Гумилева, Ахматову и других появляется конвой из ругательных слов и мрачных характеристик.

— В какой момент практические нужды, порожденные сном времени, стали элитарным занятием?

— Когда пришли сливки петербургской и московской интеллигенции, культурные лишены, вытесненные на периферию просветительской деятельности. Целый класс людей, несовместимых с установившейся идеологией. Какое-то время они писали в стол, а потом вообще переставали писать и начинали выживать. Уходили в оплачиваемую работу, в перевод, в комментирование — в службу этих «почтовых лошадей просвещения». То, что Пушкин сказал о перевод-

чиках, можно сказать и о комментаторах. Это перевозчики, которые сопровождают культурный груз из одной эпохи в другую, следят, чтобы его не разокрали. Понятно, что по закону сохранения энергии их талант переходил в шрифтовую справку и комментариев. В основе жанра — возникавшее в семинаре Венгерова пушкиноведение, из которого выросли замечательные комментарии юбилейного Собрания сочинений Пушкина 1937 года.

— И это несмотря на то, что Сталин сказал: надо печатать тексты Пушкина, а не демагогию вокруг них?

— Сталин это сказал, выражая мнение всей большевистской общестественности. И каждый раз неприятно поражает, насколько живучи эти представления.

Когда-то у меня был разговор с моим учителем Юрием Михайловичем Лотманом, году в 1987-м. Мы обсуждали свежие работы старших коллег-литературоведов. Я сказал про одного из них: «Это же типичная статья 40-х годов». На что Лотман ответил: «А кто вам сказал, что они вообще кончились?» И действительно, будущее показало, что этот дух, воспитанный кампаниями против формализма, космополитизма, «очернительства», проник в кровь поколений.

— Но и Селинджер называл сноску эстетическим злом.

— Сноска — действительно эстетическое преступление, потому что вторгается в интимный контакт читателя с текстом. Но это зло необходимо для того, чтобы мы понимали то, что понимал исторический читатель. Просто она должна возникать там, где даже необязательно ставить звездочку. Современный читатель, уже настроенный на ожидание сноски, сам полезет в комментарий в этом месте.

— Только не найдет его. Много ли сейчас издается оснащенных сведениями книг? Что делать лобознательному читателю?

— Бойкотировать книги без комментариев! Уверю вас, издатели прислушаются. Происходит безобразная вещь в, казалось бы, культурных издательствах. Например, для многих книг срезают уже готовые именныe указатели. Книга сразу же переходит в другой разряд, и ее культурная да, кстати, и товарная ценность снижаются. Например, американские библиотеки книгу без именного указателя на русском языке не возьмут. Она для них нема-

Издательства, экономящие на аппарате, в перспективе проигрывают.

— Каким должен быть лаг времени, чтобы для книги требовался справочный аппарат?

— Иногда он равен нулю. Ведь были опыты и в западной литературе, и в российской традиции, когда книга пишется прямо с комментарием. Я проводил со студентами занятия по источниковедению: куда смотреть, чтобы понимать текст, где находить источники. И обнаружил, что некоторые тексты 80-х годов XX века менее понятны, чем даже трудный в лексическом смысле Лесков.

— Уже Юрий Трифонов со своим «Обменом» во многом загадочен...

— Трифонова надо издавать с комментариями, в этом сомнений нет. Как и очень много текстов из советской Атлантиды, из этой ушедшей цивилизации. Даже молодежную прозу, не так погруженную в реалии советского быта, нужно комментировать. Я уж не говорю про быстро ветшающий сегодняшний сленг. Комментарий не может быть на все времена. Каждая эпоха несет свой уровень понимания и непонимания. Это зависит от обстоятельств за окнами кабинета. Это профессия такая — каждый раз решать, как соотносится то, что читатель точно не знает, с тем, что читатель знает, но знает не точно. Как напомнить про истинное соотношение вещей.

— Есть ли люди, которые этим занимаются?

— Увы, не так их много. А в наши дни особенно важно не допустить дезинформации. Ведь достаточно какому-то недорослю выложить свою курсовую работу с произвольными догадками в интернет, и она начинает тиражироваться. И уже никто не доискивается, как обстоят дела на самом деле. Правда, сейчас происходит оживление читательского внимания к сноске, как-то это соотносится с модными идеями гипертекста.

— Кто-то говорил, что комментарий заменяет свежий ветер вражды и сочувствия современников, но когда читаешь ваши работы, то ощущаешь именно накал человеческих отношений. Как достигается такое сопереживание ушедшим временам?

— Когда я говорю о сохранении груза, который «перевозит» комментатор, то имею в виду необходимость предугадывать, какую чепуху могут считать с этого текста. И надо «речей не тратить по-пус-

— Действительно, меня в последнее время часто вежливо спрашивают: «А вы все комментами (или даже «камен-тами», как иной раз говорят молодящиеся коллеги) занимаетесь?» Если думать о делах профессиональных, то, ей-ей, опыт коллективного сетевого «медленного чтения» и этакого соборного комментирования оказывается во многих отношениях полезным, и уже есть первые удачные книжные продукты такого «площадного литературоведения», которое счастливым образом не лишает филологию того, что, по Мандельштаму, ее определяет — кабинетности, домашности, семейности. Филология, как семья, говорил Мандельштам, «держится на интонации и на цитате, на кавычках».

Филология, которую знал Мандельштам, учила тому, что словесная культура живет стадиями, резко отталкивающимися от предыдущих. Вот и сейчас, по-видимому, находит для себя новые каналы стадия критического, «пытливого» отношения к любому без исключения высказыванию, а критика текста — это и есть комментирование.

— Гаспаров называл комментирование «наукой понимания». Понимание и есть критика?

— В этом занятии важно, чтобы сегодняшней читатель уразумел, что непонятные ему места должны стать понятными в рамках замысла их создателя, чтобы он не заполнял их фантомным содержанием. Эти смысловые ниши, гульки и объемные в своей пустоте, должен заполнить комментатор. Помочь, с одной стороны, читателю, с другой стороны — тексту. Обреченный на скитания среди новых поколений, текст ежедневно теряет какие-то смыслы и, что более неприятно, приобретает паразитические. Есть такая, весело читающаяся статья Виктора Андрониковича Мануйлова о том, как осваивает Пушкина только что ликвидировавшая безграмотность молодежь и как она неправильно понимает слово «уборная» в описании интерьера героини. Комментирование возникает в тот момент, когда малограмотный, или ребенок, или носитель другого языка, задает вопрос: «А что это значит?» Часто, знаю по своей практике, комментарий рождается из вопроса редактора, а иногда — из недоумения корректора. И тут выясняется, что место, их вызвавшее, непонятно и самому публикатору и что за этим непониманием стоит своя историческая логика: логика изменившегося языка, логика разницы жизненных опытов.

— Значит, по истории комментирования можно изучать историю общества?

— А как же! Это одна из главных задач, поставленная лет 100 назад талантливыми русскими филологами. Александр Иванович Белецкий написал в 1922 году об этом статью, утверждая, что история литературы есть история не только писателя, но и читателя. А как восстановить портрет читателя? Мы восстановим его, когда увидим, как приспособивались редактор и автор к читателю. Писателю во все времена говорят: «Пиши проще, чтобы тебя народ понял». И самый талантливый, проклиная все на свете, все-таки внимает просьбе и тем самым создает портрет исторического читателя. Не надо все представлять так, что были плохие цензоры, наемные перья, выступавшие против всего хорошего, и был читатель, желавший лучшего, которое до него не допускали. О нет! В выходящем сейчас расширенном переиздании моей книги «Анна Ахматова в 1960-е годы» я привожу письма читателей о стихах опальной поэтессы в 1959—1960-х годах. Несхожие с официальной барабанщиной стихи, появившиеся после долгого ее непечатания. Советский читатель повел себя, как верный Руслан из повести Владимова, — «встрепенулся и ощерился». «Оттепель» гражданина немного убаюкала, а тут он почувствовал: вот она, вылазка эстетического врага. И создал красноречивые

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

«Каждый раз решаешь: как соотносится то, что читатель точно не знает, с тем, что читатель знает, но знает не точно»

тому», а употребить некоторую власть. Комментатор может чего-то недосмотреть, но обязан угадать степень непонимания текста. Это требует и особого таланта, и огромной траты времени на изучение науки непонимания. Это ведь тоже целое искусство — уметь не понимать.

— Из этого выросли целые направления гуманитарной мысли — деконструкция например.

— Некоторые смыслы непонятны и непонимаемы по авторскому замыслу. Это надо читателю показать: не пытайся в это непонятное внести свое понятное. Произойдет акт эстетической агрессии, это как писать карандашом на картине. Конечно, граффити — тоже явление культуры, и найди мы образец такого вандализма древних времен, мы будем изучать его как фольклор эпохи. Но есть разные задачи. Наша задача — оберегать текст от искажения. Мы, как говорил один русский поэт, обращаясь к другому русскому поэту, — «амбарные коты, которые хранят зерновой запас культуры».

И текстов, которые должны быть непонятны при первом чтении и раскрываться во втором, в русской поэзии много. Много стихов, рассчитанных на двухтактное восприятие. Первое — когда ничего не понимаешь, но все равно хорошо. Второе — когда почти все понимаешь, и — еще лучше. В принципе что такое классика? Классика, как говорил Гаспаров, — это текст, рассчитанный на перечтение.

Символисты научили последующие поколения пишущих, как преодолевать время: сделать так, чтобы твой текст читали два раза. Кто прочтет два, те и в третий прочтут. И другому скажут. Начинается лавинообразное повторение чтения. Это же спектакль! Символисты научили русскую поэзию, что текст разыгрывается как представление, со своей драматургией взаимоотношений, может быть, скукой в начале, с катарсисом понимания, гордостью собой, что все-таки понял.

— Сейчас требуется совершенно новый читатель, потому что все навыки чтения другие. Как его воспитывать?

— Когда я преподавал в Америке, меня как-то попросили послушать разбор стихотворения Блока «Я Гамлет, холодеет кровь...». Восемь строк, прозрачный синтаксис, никаких тайн. Проще текста не бывает. И вот студенты-американцы замечательно разбирали рифмы, фонетику, синтаксис. Все

то, что относится к «грамматике поэзии», как называл это Роман Якобсон. А потом преподаватель спросил их: «Про что это?» И выяснилось: никто из них к этому моменту не читал произведения «Гамлет, принц Датский». У них в обязательную школьную программу входило «Убить пересмешника», а не «Гамлет». Никто проекции на сюжет — «И гибну я в родном краю...» — понять не мог. То есть они объясняли, что герой гибнет, что его закалывают, но кто такой герой и при каких обстоятельствах с ним произошло это несчастье, они не знали. Но поразило меня другое. Преподаватель не стал их укорять, он подчеркнул, что стихотворение написано вслед известной трагедии, и давайте-ка к этому вернемся через два дня. Через два дня они не только подробно знали это произведение, они ознакомились с основными интерпретациями «Гамлета» и очень бойко об этом говорили.

Я, восхищенный, рассказал об этом своему коллеге, американскому профессору. Он говорит: «Ха-ха, они прочитали в интернете!» Ну хорошо, в интернете, но я работал с российскими студентами, многие из них и в интернете не прочитали бы.

Но, как говорили великие старики, которых я еще застал в начале 60-х годов, русская литература столько сделала, что теперь может отдохнуть «под паром». То есть не обязательно тратить силы на выдумывание новой литературы, надо освоить то, что написано. А почему нельзя то же самое сказать про читателя? Какое-то время читателя может не быть. Он должен отдохнуть, чтобы по-новому открыть для себя литературу. А какой читатель будет в новом поколении и какой будет литература, гадать интересно, но бесперспективно.

— Но если «порвется связь времен», восстановится ли она когда-нибудь?

— Она не порвется. Ее не порвали даже те, кто 70 лет этим специально занимался.

— Но они же при этом настаивали на чтении классики, возможно, потому, что она им казалась безопаснее современной литературы. Нынешние власти урезают классику в школьных программах, не понимая, что никакой штатный психолог не заменит этого воспитания чувств.

— Есть разные формы опошления того, что дорого какому-то читательскому поколению: приходят новые люди и начинают кривляясь, петь эстрадные песни на стихи любимых поэтов. Не страшно! У культуры сильный инстинкт самосохранения. Мы о других видах деятельности должны говорить: о библиотекарях, коллекционерах, книголобах. Главное — чтобы книжки, эти носители смыслов, сохранились физически. Хотя и это не самое главное. Ахматова большую поэму написала с эпиграфом «Бог сохраняет все». Прошлое не пропадет. Другое дело, что чуть-чуть можно помочь ему в этом. Переводами, комментариями, воспоминаниями.

Беседовала **Ольга ТИМОФЕЕВА**, редактор отдела культуры «Новой»

СОБЫТИЕ

Содержимое невыплаканных слез

Новый альбом Бориса Гребенщикова стал сенсацией

Евгений ФЕЛЬДМАН — «Новая»

Придумать другое, более подходящее новому альбому название было невозможно. «Соль» — это сольный альбом Бориса Гребенщикова, его личная ответственность за каждое слово в каждой песне. «Соль» — это самая суть нашего времени, острота его вкуса. «Соль» — это содержимое наших невыплаканных слез.

Часть песен издавалась отдельными синглами («Праздник урожая во дворце труда», «Не было такой и не будет», «Губернатор», «Любовь во время войны»), выкладывалась на YouTube («Пришел пить воду»), остальные звучат впервые.

Фотография на обложке — черно-белый портрет БГ: в тени, да еще и в темных очках; лица почти не видно, но все-таки в этой фотографии есть полоса света, отражающаяся на его лице, и в этом — открытый финал: победит то ли окружающий мрак, полностью поглотив знакомые черты, то ли свет.

Главное ощущение от первого прослушивания — ошеломление. Поражает безупречность всего (музыка, текст, аранжировки, расположение), поражает разнообразие жанров, стилей, инструментов (жесткий рок, японская флейта, блюз, фирменная для БГ гитара в обратной записи, кантата с ангельским хором и так далее), образность и афористичность стихов и, наконец, редкая для нашего времени верность себе.

Для меня самым главным было то, что БГ пропел все чувства и ощущения нашего времени, исключив только одно: агрессию. Зато здесь есть все остальные: безнадежность — «Сколько мы ни пели, все равно что молчали», растерянность — «Время уклоняться, но как уклониться?», подозрительность — «Не смей подходить, пока не скажешь, кто ты такой», бессмысленность наших усилий — «Мы знаем, что дороги нет и не было здесь никогда», пессимизм — «Я чувствую, как вокруг нас гущаются тени», невозможность достичь согласия и усталость от того, что ты ничего не можешь изменить, — «Люди не могут согласиться друг с другом практически ни в чем» и очень русское свойство — твердость духа, которая приходит тогда, когда становится совсем плохо, — «Кровь моя теперь сильнее, чем сталь».

В песне «Не было такой» БГ почти цитирует Геннадия Шпаликова, другого поэта, изо всех сил старавшегося сохранить вопреки обстоятельствам источник света в себе. У Шпаликова — «Я к вам травую прорасту», а у Гребенщикова — «И эхом в тишине едва-едва, любимая моя, пробьется». (К слову сказать, ровно за 40 лет до выхода альбома Геннадий Шпаликов покончил с собой.)

Но Борис Борисович не был бы собой, если бы после жесткой «Любовь во время войны» не звучала бы дающая надежду «Ветка»: «Сняли с плеч ношу, отпустило

в груди, словно мы оставили позади эту бесконечную зиму». Отдельного упоминания заслуживает размещение песен: сначала нагнетается ощущение безысходности от тошнотворного отражения в нашем времени, как в кривом зеркале, других времен, а потом, когда почти невозможно дышать от этой тяжести, она вдруг прорывается в единственно возможном для БГ направлении — к свету, к небу, и играет «Голубиное слово».

Гребенщикова — едва ли не единственный в русском роке, кто умеет петь свет, но то, что Борис Борисович не только сохранил это умение в современном мире, но и стократ его умножил, было для меня лично прекрасным открытием. Настолько прекрасным, что где-то в середине я перестала сдерживаться и расплакалась по-детски, размазывая слезы по лицу, с благодарностью за то, что наконец могу плакать. Это песня-освобождение, снимающая ношу с сердца; она дарит возможность выплакать эту боль — драгоценную возможность в те времена, когда ты носишь в груди вместо сердца сжатый кулак. Вместе со слезами выходит какая-то ядовитая соль, которую, видимо, иначе никак из себя не вынуть. Так что эта «Соль» — лечебная. И, что характерно, именно в этой песне к БГ вдруг возвращается его голос многолетней давности — светлый, нежный, певучий.

На мой взгляд, «Солью» Борис Борисович отчитался по текущим временам за весь русский и советский рок. В «Соли» можно услышать старый «Секрет», немного «ДДТ», «Наутилус Помпилиус», естественно, «Аквариум» — голоса русских рокеров БГ, цитируя кое-где себя 30-летней давности, выразил суть нашего времени. Для этого он, как некогда принц Гаутама, вышел из дворца собственного духа и ужаснулся реальности, прожил ее внутри себя и нашел если не выход, то путь к свету.

Но самое неожиданное для меня — что, слушая альбом, я, как и Борис Борисович, чувствую, что прожила уже не одну чертову сотню лет и немало от этого устала, хотя в моем возрасте БГ еще сидел на красивом холме, ждал новостей из экрана, и в месте, в котором он жил, еще было достаточно света. Однако распалась связь времен, и молодые чувствуют себя постаревшими, а старшие возвращаются в молодость, но, похоже, совсем не так, как им бы хотелось.

Ксения КНОРРЕ-ДМИТРИЕВА

Рынок агентских услуг в мировом футболе — по-прежнему одна из самых закрытых тем: если сведения о стоимости того или иного трансфера, а также зарплаты некоего футболиста периодически озвучиваются клубными менеджерами в прессе, то информацию о выплатах третьим лицам в открытом доступе найти крайне тяжело.

Между тем вместе с увеличением объемов расходов на трансферные сделки и фонды заработной платы за последние пять лет возросли и суммы агентских вознаграждений, получаемых людьми, чье участие в футбольном процессе скрыто от посторонних глаз. Формально все они осуществляют поиск футболистов, проводят переговоры между сторонами сделки и обеспечивают заключение трудовых соглашений — это и становится основанием для колоссальных по меркам современного посреднического рынка выплат.

Нашел талантливого и свободного от клуба игрока и уговорил его на переход — получи комиссионные. С учетом того, что годовой оклад игрока может составлять несколько миллионов долларов, побочная выплата нескольких сотен тысяч долларов агенту — вроде бы вполне рыночный ход. Поучаствовал в качестве переговорщика в сделке между клубами — забрал свой процент. Сбил в интересах клуба-покупателя цену на

трансфер — увеличил размер собственного вознаграждения. Тоже логично.

А если футболист оказался несостоятелен, объяснить это просто: он же не вещь — и на качестве его выступления сказываются совсем не те факторы, которые влияют на стоимость нефти.

О том, что сделки футбольных клубов (как правило, из Восточной Европы) с агентами могут носить подозрительный характер и, в частности, служить действенным инструментом для вывода средств, несколько лет назад заявила Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Тогда FATF рекомендовала Международной футбольной ассоциации (FIFA), которая наделяет национальные федерации полномочиями выдавать агентам лицензии и тем самым легализует их деятельность, пересмотреть формы контроля.

В ряде федераций были разработаны меры регулирования рынка: где-то клубы искусственно ограничивались в выплатах, где-то, как, например, в Российском футбольном союзе (РФС), — им и вовсе рекомендовали прекратить гражданские отношения с посредниками, обратив внимание на обязательное наличие в структуре клуба селекционных служб, чьи функции агенты зачастую дублировали.

В июне конгресс FIFA принял решение вообще упразднить с 1 апреля 2015 года институт агентов. В

практическом смысле это означает следующее: национальные федерации прекратят выдавать посредникам лицензии и передадут бремя контроля над сделками с их участием государственным органам.

То есть теперь обосновывать те или иные выплаты клубами их контрагентам предстоит, уже не апеллируя к регламентирующим их деятельность футбольным документам, а опираясь исключительно на национальное законодательство. И если вознаграждение превысит затраченные агентом усилия, вопросы могут возникнуть у фискальных и правоохранительных органов.

В России с 2012 года различные службы стали систематизированно собирать информацию о денежных потоках, уходящих из бюджетов профессиональных отечественных клубов. В нашем распоряжении оказался закрытый сводный отчет, подготовленный специалистами Федеральной налоговой службы (ФНС) и Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), в котором приведены сделки 2012—2013 годов между профессиональными клубами и футбольными агентами.

Сразу отмечу: вопрос о реальности сделок, о которых пойдет речь, мы в настоящее время не ставим — для этого необходим не просто их мониторинг, а тщательная правовая проверка. Однако эта информация прежде всего позволит понять объем рынка агентских услуг и запомнить имена тех, кто этот рынок контролирует.

Тайная комиссия

Владикавказская «Алания»

Российский рынок футбольных агентов: имена, контракты, деньги

В августе 2011 года футбольный клуб, выступавший в первом дивизионе российского первенства, заключил соглашение с латвийской компанией Boutique Football Lp, возглавляемой агентом Михаилом Лебедевым. Латвийское агентство обязалось осуществить поиск футболиста, сопроводить его трансфер и обеспечить заключение трудового договора с владикавказским клубом. Стоимость сделки составила 1 млн евро. Спустя год агенту было выплачено 840 тысяч евро за его услуги по заключению контракта между клубом и защитником Заурбеком Плиевым.

В сентябре 2014 года в ходе оперативных мероприятий, проведенных республиканскими УФСБ и УБЭПиПК МВД, было установлено, что получивший деньги посредник агентом футболиста Заурбека Плиева не являлся и никаких переговоров о его переводе в «Аланию» не вел. На основании этих данных республиканским ГСУ ГУ МВД РФ было возбуждено уголовное дело по признакам ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата, совершенные в особо крупном размере), обвинение предъявлено бывшему генеральному директору клуба Александру Стельмаху, который подписал акт приема работ и отдал приказ о переводе более 34 млн рублей. Пока эта сделка — единственный эпизод в уголовном деле.

Но, судя по данным ФНС и Росфинмониторинга, у «Алании» могли быть и другие странности, на наш взгляд, сделки: в 2012 году клуб заключил восемь контрактов с агентами на общую сумму свыше 150 млн рублей и выплатил им более 75 млн рублей.

В частности, владикавказский клуб подписал два договора с агентом Рафаэлем Эпштейном, связанным с предпринимателем Григорием Крицером: один — на организацию трансфера и заключение трудового договора с футболистом Рудней да Роса на 680 тысяч евро, другой — на тот же спектр услуг в отношении футболиста Диего Маурисио (850 тысяч евро). Также были заключены два договора с агентом Ливаном Силагадзе: на организацию трансфера Тамаша Прискина (650 тысяч евро) и Санжара Турсунова (450 тысяч евро). Еще «Алания» заключила договор с агентом Дмитрию Санду стоимостью 350 тысяч евро за оказание последним услуг по заключению трудового соглашения

между клубом и Иоаном Мера, а также с сербским агентом Серджаном Еремичем (400 тысяч долларов) на переход Огнена Вранеша. Эти соглашения так и не были исполнены — в следующем году владикавказский клуб прекратил существование.

Однако в 2012 году «Алания» все же произвела ряд выплат: 250 тысяч долларов из положенных по договору 500 тысяч за комплекс услуг по заключению трудового договора с Дмитрием Голубовым получил агент Сергей Шевченко, связанный с ведущим российским агентом Олегом Артемовым; 200 тысяч долларов за услуги по переходу Владимира Хозина получил Михаил Евстюхин, известный в футбольной среде как Миша Длинный (еще 4 млн рублей в 2012 году Евстюхину были выплачены в рамках соглашения от 14.01.2011, по которому он обязался устроить переход Дмитрия Грачева); 306 тысяч долларов по договору от 20.06.2011 получило некое ООО «ЕСА» — за услуги по заключению контракта с клубом игрока Михаила Бакаева; еще 400 тысяч долларов было перечислено молдавскому агенту Николаю Пырная, представлявшему интересы Азата Байрыева и Семена Булгара.

Миллионы рублей и сотни тысяч долларов футбольным агентам платили «дотационные» клубы, выживающие при финансовой поддержке региональных властей

Какие соглашения и последовавшие за ними выплаты были реальными, а какие — фиктивными, еще предстоит выяснить правоохранительным органам республики.

Нижегородская «Волга»

Команда, ныне выступающая в первом дивизионе российского первенства, в 2012 году заключила 12 сделок с агентами на сумму около 45 млн рублей и вы-

платила около 52 млн рублей (оплачивались и договоры за 2011 год), в 2013-м — 11 сделок на сумму около 80 млн рублей (и выплачены 44 млн рублей).

В числе самых крупных получателей средств от «Волги» (свыше 25 млн рублей) — предположительно ее бывший юрист Дмитрий Кигинько, связанный с авторитетным предпринимателем Османом Кадиевым. Далее следует агент Кахор Муминов, связанный с владельцем ООО «Про-Спортс-Менеджмент» Германом Ткаченко, — благодаря волжанам он заработал около 500 тысяч долларов, организовав переход Александра Белозерова, Михаила Кержакова и Руслана Аджинджала. Также в 2012 году соглашение стоимостью 200 тысяч евро с Муминовым было заключено на оказание услуг по переходу Андрея Каряки.

В 2012—2013 годах было выплачено 7 млн рублей агенту Тарасу Воробелю, связанному с владельцем ООО «СА—Спортивное агентство» Алексеем Сафоновым, за исполнение договора на организацию перехода Никиты Малярова.

Также в 2012 году клуб рассчитался с агентом Олегом Саблиным: он получил 224 тысячи евро за исполнение договора

от 01.01.2010 по заключению контракта с Мерсудином Ахметовичем (в 2013 году в рамках этого договора Саблину заплатили еще 95 тысяч долларов, а также заключили с ним договор на 6,4 млн рублей — за перевод в клуб В. Бордияна).

Агент Евгений Куканос, также связанный с Алексеем Сафоновым, получил за два года от клуба 367 тысяч долларов — за содействие в заключении трудового договора с Александром Шулепиным и Миколшом Гаалом.

Из самых крупных сделок 2013 года (23 млн рублей) — соглашение с Романом Орещуком (работал в ООО «СА—Спортивное агентство») на организацию трансфера Антона Путило (по данным Росфинмониторинга, пока выплачено 6,5 млн рублей) и договор стоимостью 6,6 млн рублей с Дмитрием Кудерцевым на организацию перехода Александра Харитонова.

Также в 2013 году клубом был заключен договор стоимостью 16 млн на организацию перехода Романа Концедалова с агентом Логиновым, который известен тем, что представляет интересы самого высокооплачиваемого российского футболиста Александра Кокорина.

Саранская «Мордовия»

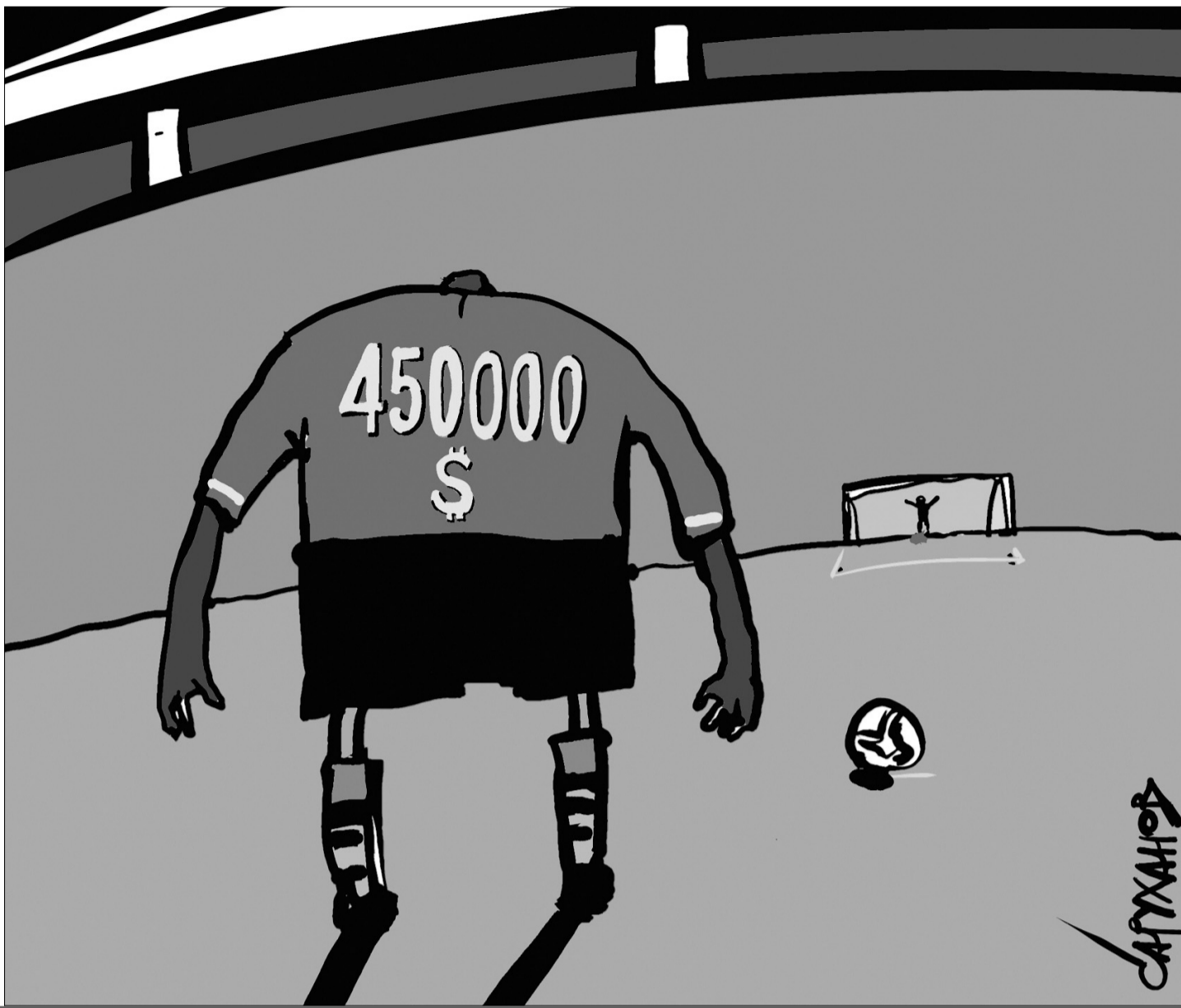
Футбольный клуб, ныне борющийся за сохранение членства в РФПЛ, в 2012 году заключил 11 сделок с агентами на сумму около 45 млн рублей и выплатил около 40 млн. В 2013-м — 9 сделок на 50 млн рублей (выплачено 35 млн).

Самым крупным получателем средств от саранского клуба стал агент Дмитрий Ананьев, связанный с авторитетными предпринимателями из Раменского района Московской области, — в общей сложности с ним были заключены контракты на сумму около 21 млн рублей, он осуществлял комплекс услуг по заключению трудовых соглашений между клубом и футболистами Юрием Кулешовым, Дмитрием Абакумовым, Русланом Мухаметшиным, Александром Димидко. При этом, по данным Росфинмониторинга, за исполнение договора от 15.06.2012 об оказании услуг по переходу Мухаметшина Ананьеву было заплачено дважды — по 4,8 млн рублей.

Также 9 млн рублей от клуба получил экс-агент футболиста «Динамо» Юрия Жиркова Виктор Халапурдин — за организацию перехода нападающего Антона Бобра. 4,8 млн рублей заработал Александр Панченко, связанный с авторитетным коммерсантом Владимиром Пипия (Вова Грузин), — за организацию трансфера своего племянника Кирилла и Алексея Мулдарова.

Самая крупная сделка 2013 года — договор стоимостью 300 тысяч долларов с Ильей Зайцевым, связанным с Олегом Артемовым, в соответствии с которым

Петр САХУТИНОВ — «Новая»

агент должен был оказать содействие в заключении трудового договора с вратарем Антоном Коченковым (90 тысяч долларов было выплачено Зайцеву в 2013 году). Молдавский агент Ион Карп, оказавший «Мордовии» в 2013 году услуги по заключению трудовых соглашений с Владимиром Божовичем и Миланом Перендия, получил от клуба два платежа в размере 400 тысяч долларов.

С агентом Дмитрием Агеевым был заключен договор стоимостью 250 тысяч долларов за оказание услуг по переводу Андрея Пазина (выплачено 160 тысяч). Агенту Александру Панченко причитается 200 тысяч долларов за оказание услуг по переводу Евгения Луценко. По 150 тысяч долларов должны получить Айрат Рахимов, связанный с бывшим спортивным директором «Рубина» Рустемом Саймановым и молдавским агентом Леонидом Истрати — за организацию трансфера Вадима Гаглоева и Александра Суворова.

Ярославский «Шинник»

Российские фискальные ведомства заинтересовали выплаты агентам, произ-

веденные футбольным клубом в 2012 году. В частности, ярославцы рассчитались с агентом Марио Мамичем, который еще в 2008 году осуществил перевод в клуб латвийского игрока Юриса Лайзанса, — посреднику было перечислено 384 тысячи долларов. Также по сделкам 2008 года в 2012 году рассчитались с португальским агентом Пауло Барбосой — ему было выплачено 684 тысячи долларов за посредничество при переходе Гомиса, Ромалью да Сильва и Лейте Башту Бруну.

Самарские «Крылья Советов»

Клуб, возглавляющий турнирную таблицу первого дивизиона и готовящийся вернуться в элиту российского футбола, в 2012 году заключил 8 соглашений с агентами на общую сумму около 72 млн рублей и выплатил около 55 млн рублей. В 2013-м — 41 млн рублей и около 60 млн соответственно.

Самым крупным трансфером 2012 года стал переход в клуб белорусского форварда Сергея Корниленко. По данным ФНС, для организации трудового договора между клубом и нападающим был заключен

договор стоимостью 532 тысячи долларов с агентом Александром Лопыревым, связанным все с тем же Олегом Артемовым. По данным Росфинмониторинга, на счет Лопырева было переведено лишь 82 тысячи долларов — оставшаяся сумма числится в кредиторской задолженности клуба за последний отчетный период. За исполнение договора от 19.08.2011, касающегося перехода этого же футболиста, 100 тысяч долларов было выплачено и самому Олегу Артемову.

Однако если переход Корниленко был самым громким, то переход полузащитника Евгения Баляйкина — самым затратным: за участие в переговорах и обеспечение трудового договора более

1 млн долларов получил агент Михаил Череповский, связанный с Алексеем Сафоновым. Еще на 300 тысяч долларов с Череповским был заключен договор на организацию перехода Ивана Таранова (в период 2012—2013 годов было выплачено 150 тысяч долларов). Договор стоимостью 250 тысяч долларов был заключен с Михаилом Евстюхиным (Миша Длинный) — на организацию трансфера Алексея Концалова.

В 2013 году за оказание услуг по заключению трудового договора с полузащитником Станиславом Драгуном самарцы выплатили 300 тысяч долларов агенту Залиму Апшеву, а также заключили договор с Дмитрием Агеевым за «подписание» футболиста Ибрагима Цаллагова — на 450 тысяч долларов.

Кроме того, на 100 тысяч долларов был заключен договор с Кахором Муминовым в рамках сделки по переводу в клуб защитника Гии Григалавы. Авторитетный агент Павел Андреев получил 489 тысяч долларов за услуги по заключению контракта с защитником Сергеем Петровым.

Все это — больше, чем просто бухгалтерская ведомость, потому что позволяет сделать важные выводы. Во-первых, игроков на рынке футбольных агентов много, но по большей части они сбиваются в кланы и коалиции — вокруг определенных клубов и наиболее сильных фигур (некоторые фамилии неспроста идут через текст референном). Во-вторых, мы рассказали в основном об игроках, мало известных даже поклонникам российского футбола; только единицы из них оставили заметный след в клубах, за которые выступали. Однако суммы, выплаченные посредникам за их переходы, более чем серьезны. В-третьих, речь идет о «дотационных» клубах, существующих исключительно благодаря прямой или косвенной поддержке региональных властей. То есть миллионы рублей и сотни тысяч долларов, попавшие на счета агентов, могли быть потрачены на решение куда более значимых социальных задач.

Андрей СУХОТИН,
корреспондент «Новой»

Читайте в ближайших номерах:

- ✓ Какое агентство заработало 13 млн долларов от перехода бразильского форварда Халка в «Зенит».
- ✓ Сколько агентам в лучшие годы платил «Анжи» Сулеймана Керимова.
- ✓ Как на московском «Локомотиве» зарабатывают агенты, связанные с Олегом Артемовым, а на «Спартаке» — люди Павла Андреева.
- ✓ Сколько получил агент Александра Кокорина.

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ

Пятилетний Дима Заикин из Тольятти совсем недавно пошел в детский сад. Для кого-то это радостное событие, а для Димы — празд-

Детский сад, как праздник

ник, и он очень счастлив. Наконец-то он может жить как все дети: общаться со сверстниками, гулять со старшим братом Максимом, бегать, играть в футбол. Правда, надо еще постоянно принимать лекарства, но на это он согласен, ведь это намного лучше, чем лежать в разных больницах и переносить одну операцию за другой.

Дима родился немного раньше срока, на 35-й неделе, и сразу попал в реанимацию с пневмонией. Там сделали полное обследование, и выяснилось, что у него целый букет проблем со здоровьем: это и расщелина мягкого неба, и порок сердца, и серьезные нарушения в системе кровотока и кровоснабжения. Зато Диме очень повезло с мамой: она не опустила руки, не отчаялась, а сделала все возможное и невозможное,

чтобы малыш справился с многочисленными болезнями. Первое время каждый месяц Диме делали переливания эритроцитов, а когда мальчик немного подрос, начались операции. Более всего врачей беспокоила портальная гипертензия, то есть повышение давления в воротной вене, по которой кровь доставляется от органов пищеварения к печени, из-за блокирования кровотока через печень. Жизни ребенка грозило внутреннее кровотечение, и, когда Диме исполнилось 2 года, ему провели спленоренальное шунтирование — направили кровоток в обход печени. Затем было много, еще много разных операций, и вот теперь Диму не просто выписали из больницы, а разрешили жить нормальной жизнью, ходить в садик и готовиться к школе!

Однако без лекарств обойтись еще долго будет нельзя, и сейчас Диме постоянно требуется препарат «Эксиджад». Стоит курс 41 780 рублей. Мама Димы сейчас не работает, и зарплаты папы на все просто не хватает. Давайте поможем купить лекарство для мальчика!

Чтобы помочь Диме, отправьте любую сумму (от 10 рублей до 15 000 рублей) и слово «Дима» в SMS на короткий номер **6162**.

Например: «500 Дима». Доступно для абонентов МТС, «Билайн», «Мегафон» и ТЕЛЕ2.

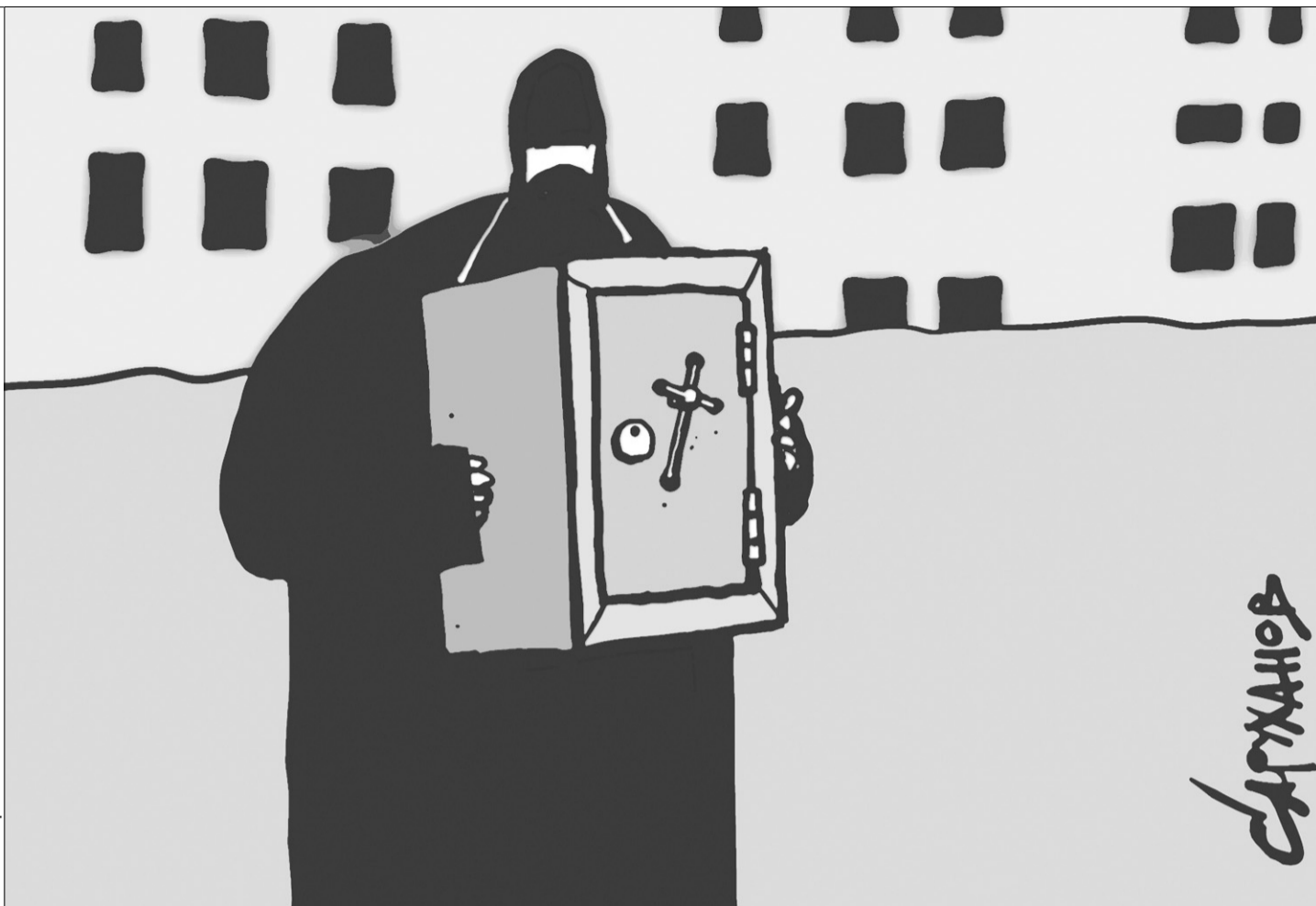
Вы также можете связаться с сотрудником фонда «Подари жизнь» Алесей Козловой по телефону **8 926 208-67-85** или узнать о других способах помочь на сайте **www.podari-zhizn.ru**

Церковный чиновник с говорящей фамилией Чаплин имеет все шансы стяжать лавры церковного Жириновского. Он постоянно выступает с инициативами, которые шокируют своей нелепостью, однако вскоре становятся частью государственной политики.

Незадолго до начала конфликта на востоке Украины протоиерей Всеволод Чаплин предлагал дать наконец российской армии «настоящую ратную работу», недавно выступил с призывом запретить в России деятельность всех религиозных организаций с центром за рубежом.

Теперь новая идея: чтобы спасти стремительно дешевеющий рубль, российской банковской системе стоит отказаться от «западных» (рыночных) законов и перейти на «православные рельсы». В частности, протоиерей утверждает, что Россию спасет «православный банкинг». Дело за малым — узнать, что это такое...

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

ОВЦО И КОЗЛИЦЫ

Удержать рубль может только... воцерковление?

Отец Всеволод возглавляет ключевое в структуре Московской патриархии синодальное учреждение — Отдел по взаимодействию

Церкви и общества (сокращенно — ОВЦО). Раньше, при патриархе Алексии II, было принято повторять, что «церковь у нас отделена от государства, но не отделена от общества», поэтому отдела с таким названием не существовало. Новый патриарх, Кирилл, создавая ОВЦО, видимо, признал, что и от общества Церковь отделена, но призвана с ним всячески взаимодействовать и на него влиять. С тех пор ОВЦО ежемесячно дает российскому обществу какой-нибудь новый нравственный ориентир. Увы, общество остается к этим ориентирам глухо, и они быстро забываются. Наверное, только специалист вспомнит инициативу о. Всеволода по введению «православного дресс-кода», хотя в свое время она обсуждалась весьма бурно.

Еще одна оригинальная разработка ОВЦО (отчасти уже в области «экономики») — учение о том, что духовенство обязательно должно быть богатым и, в частности, его автопарк не должен уступать чиновничьему, потому что это вызывает уважение к Церкви, а значит, служит к вящей славе Имени Божия. На явное несоответствие такого подхода евангельскому учению указывали даже вполне лояльные патриархии и лично о. Всеволоду авторы. Вообще, среди «продвинутых» православных журналистов принято воспринимать каждую инициативу о. Всеволода с добродушной улыбкой и говорить: «Опять батюшка юродствует». Но светское общество впряме всего этого не знает, а притом что сейчас и из Кремля постоянно звучат инициативы, которые вчера казались фантазмагорией, к о. Всеволоду прислушиваются всерьез.

11 ноября в Москве открылся очередной Всемирный русский народный собор — патриотический форум, возглавляемый патриархом Кириллом и собирающий ведущих политиков страны (проводится он с 1993 года, и раньше на нем давали выступить даже реальным оппозиционерам). Накануне в собор вступил Клуб «Русский предприниматель», поздравляя который, о. Всеволод и начертал некую часть программы православных экономических реформ. Ключевая предпосылка для создания такой программы понятна: Россия выходит из системы глобальной экономики, вал санкций и самосанкций нарастает, изоляция усиливается, большинство

россиян этим гордится и хочет идти «особым путем». Понятно, что этот путь должен как можно больше отличаться от западного, рыночно-демократического. Чиновники Московской патриархии видят во всем этом новый шанс быть востребованными властью, усилить свои позиции и влияние на политические процессы и финансовые потоки. И, наверное, трудно их за это осуждать — не они, так сказать, начали.

Обращаясь к «русским предпринимателям», о. Всеволод сначала раскритиковал «падение рубля» — точнее, сообщил, что никакого реального падения нет, а все это «информационный пузырь», раздутый враждебными России силами. По мнению церковного экономиста, если бы падение было реальным, то и экономика России упала бы на четверть, чего лично он, о. Всеволод, не наблюдает. Чтобы окончательно обособить экономику и финансовую систему России от мировых, протоиерей, собственно, и предложил «православный банкинг». Это часть более широкой доктрины «перехода от экономики роста к экономике достаточности», которой присущ в первую очередь потребительский аскетизм. Наличием этого

аскетизма в духовной практике людей о. Всеволод объясняет сравнительно слабые показатели экономики православных стран (Греции, Кипра, Сербии и т.д.) в сравнении с их католическими или протестантскими соседями. Но в этой слабости он и видит силу: в условиях истощения ресурсов аскеты выживут, а гедонисты погибнут. (Служители церкви, напомним, все равно должны, по о. Всеволоду, быть богатыми, поскольку это не их личное богатство, а явление славы Божией на Земле.)

Увы, бросив заманчивые лозунги — «Православный банкинг!» — о. Всеволод не разьяснил, в чем состоит его отличие от неправославного банкинга. Не менее известный и авторитетный коллега протоиерея — изгнанный из Московской духовной академии профессор протоиерей Андрей Кураев — напомнил в интервью РБК, что патриархия является учредителем нескольких вполне классических банков, которые занимались самым обычным банкингом. Два из этих банков — «Пересвет» и «Софрино» — были, кстати, недавно со скандалами закрыты из-за слишком рискованных операций. Если под «православным банкингом» подразумевается отказ от

ростовщичества (процентов), то о. Андрей называет это «кассой взаимопомощи». «Но тогда все деньги государственные, и надо честно сказать, что именно советскую экономику мы возрождаем», — добавляет протоиерей. Он убежден, что попытка создать альтернативную Западу банковскую систему обречена на неудачу, поскольку банковский бизнес по определению глобальный.

Между прочим, исламская банковская система, которая теоретически может служить прототипом для «православного банкинга», также не является изолированной. Исламские банки участвуют на Западе во всех видах банковской деятельности по вполне рыночным правилам. Другое дело, что при расчетах с единоверцами некоторые из исламских банков руководствуются кораническим запретом на ростовщичество. Впрочем, этот запрет обходится чисто схоластическими методами. Например, один из инструментов исламского банкинга — мурабаха — подразумевает, что одно лицо продает другому товар с наценкой, которая выплачивается постепенно. В современном мире этим товаром чаще всего являются деньги или ценные бумаги. Самый известный вид исламских ценных бумаг — сукук — подразумевает участие заемщика в распределении прибыли кредитора, в том числе — за счет сдачи в аренду его имущества. Важно иметь в виду, что исламский банкинг формировался веками, а никакого опыта «православного банкинга» в истории не существует: первые банковские учреждения в России в XVIII веке организовывали свою деятельность по западным правилам. Кстати, опыт внедрения исламского банкинга в России в последние годы оказался абсолютно неудачным — ни одна соответствующая инициатива не сработала ни на Северном Кавказе, ни в Татарстане.

Вряд ли кто это вспомнит, но состоявшийся в феврале 2004 года Всемирный русский народный собор принял «Десять заповедей православного бизнесмена» — между прочим, вполне сочувствующих личному обогащению, что опять-таки плохо вяжется с ригористическим взглядом Евангелия на эту страсть. Ни о каком «православном банкинге» в этих заповедях не говорится, а ростовщичество не осуждается. Главная идея — «делиться над»: с государством, Церковью и, если останется, с ближним.

« Патриархия является учредителем нескольких вполне классических банков. Два из этих банков — «Пересвет» и «Софрино» — были недавно со скандалами закрыты

Александр СОЛДАТОВ —
специально для «Новой»

Апофеозом заседания Законодательного собрания стало выступление главы Бюджетно-финансового комитета Константина Сухенко, который с голоса внес поправки на сотни миллионов, не назвав ни одного адресата, в чей карман пойдут бюджетные средства, прикрыв их хитрой формулировкой «целевая статья».

Клуб анонимных депутатов

В стенах Мариинского дворца впору снимать детектив – при утверждении бюджета на 2015 год депутаты ЗакСа анонимно выбивают 5 млрд рублей на анонимные проекты

Во втором чтении бюджета в стенах Мариинского дворца начинается мельтешение — депутаты тащат свои поправки, которые потом станут общей (что важно — анонимной) поправкой БФК. Логика понятна: раз общая — значит, ничейная, а раз ничейная, то и персональной ответственности никакой.

Считается, что в этой поправке собраны предложения депутатов, которые голосуют за бюджет в обмен на утверждение своих «инициатив» (под инициативы и выбиваются денежные средства).

Яблочники утверждают, что поправка БФК — пример политической коррупции, форма сговора между большинством депутатов и исполнительной властью. Есть, разумеется, реальные сектора, которым деньги нужны, не спорят оппозиционеры. Но в целом история сомнительная.

Схема прохождения поправок, утверждают парламентские оппозиционеры, выглядит так: Смольный вносит проект бюджета, а то, что не смогли протолкнуть через администрацию города, проносят через БФК.

«За право самостоятельно (и исходя из своих политических и иных интересов) распределить ничтожно малый процент бюджета (от 0,5 до 1%) депутаты соглашаются закрыть глаза на остальные 99% расходов», — утверждает яблочник Борис Вишневецкий.

Депутаты ЗакСа очень любят рассказывать про сложную геополитическую ситуацию и не менее сложное экономическое положение, вероятно, поэтому они решили в 2015-м себе ни в чем не отказывать — на этот раз «поправка БФК» превысила прошлогодние параметры и составила аж 5 млрд 73 млн рублей.

Как правило, лояльные депутаты направляют свои поправки либо на свои

муниципальные образования (чтобы потом проще было переизбраться, например), либо на некоммерческие организации. В предыдущие годы парламентарии традиционно «жертвовали» на НКО, не идентифицируя себя — эдакие Робин Гуды. На вопрос, удалось ли им отхватить кусочек от пирога под названием «поправка БФК», лидеры фракций юлили: мол, что-то досталось, но все до копейки народу. Потом журналисты штудировали списки НКО, которым через Бюджетно-финансовый комитет достались деньги, вбивали в ЕГРЮЛ и СПАРК их наименования и выясняли, какую организацию учредил тот или иной парламентарий, либо его жена, брат, теща и т. д. Так можно было выяснить, кто стоит за «поправкой». Как писала неоднократно «Новая», в 2012 году 3 млн руб. из карманов налогоплательщиков получила НКО «Адмиралтейский союз», председателем правления которой является Мартыненко Александр Евгеньевич, а учредителем Мартыненко Виталий Евгеньевич — депутат Заксобрания от Адмиралтейского района. Нетрудно догадаться, что мужчин связывают родственные узы. Сам Виталий Мартыненко не смог тогда объяснить корреспонденту, чем занимается объединение, порекомендовав позвонить директору НКО.

11,5 млн рублей ушло в 2012-м «Боевому братству» единоросса Игоря Высоцкого. Согласно информации, опубликованной на сайте, Высоцкий является председателем советов организации, а ее руководителем числится депутат Госдумы экс-сенатор Борис Громов.

Поняв, вероятно, что наименование организации ведет к автору поправки, депутаты решили эту «погрешность» устранить — теперь документ по-настоящему анонимен.

Написана лишь цель (к примеру: 135 миллионов рублей на «субсидии социально ориентированным НКО на осуществление проектов в области культуры и искусства») и распределитель средств (в данном случае — Комитет по культуре).

На самом заседании ЗакСа депутатам было предложено голосовать пакетом. К трибуне вышел Константин Сухенко, который под изумленные взгляды журналистов и яблочников объявил, что «озвучит с голоса ряд поправок», после чего стал зачитывать: «...средства с целевой статьи 9900020 перераспределить 100 млн рублей на целевую статью 0222007» и т. д. Никто, кроме тех, кто в теме, не понимал, куда и зачем переходят бюджетные миллионы (иные потом, правда, пробили поправки по кодам, однако поезд уже ушел).

Яблочник Григорий Явлинский пытался взять слово: мол, назовите авторов поправок и проекты, на которые уходят деньги, однако сделать ему этого не дали. «Да мы просто охренели, — не сдерживали эмоций яблочники. — Ни о какой прозрачности бюджета говорить нельзя. В конце концов, бюджет Петербурга — это не смета расходов содержания базы войск стратегического назначения».

Однако спикер ЗакСа Вячеслав Макаров возразил на это, что бюджет прозрачен, а те, кто там чего-то не видит, просто плохо смотрит.

За пару дней до заседания члены БФК поскандалили со Смольным из-за того, что депутаты решили увеличить отчисления от налогов с упрощенной системы налогообложения в пользу некоторых муниципалитетов, якобы неверно сделавших расчеты ранее. Чиновники Смольного кричали, что это незаконно, депутаты хмыкали, мол, если что, прокуратура вынесет протест.

По названиям МО, как и ранее по наименованиям НКО, можно догадаться, кому нужны были деньги и кто истинные зачинщики скандала с городской администрацией. Так, например, МО «Коломна» — вотчина единоросса Сергея Соловьева, там депутатствует его мать Нина Киселева, сводный брат Антон Киселев и супруга брата Елена Федорова. На заседании БФК он горячо настаивал — муниципалам катастрофически не хватает денег. Денег также не хватает «Академическому» (единоросс Анатолий Дроздов экс-глава этого муниципалитета), знаменитой и вовсе небедной «Красненькой речке» (Виталий Милонов), округу «Введенский», «Кронверкскому», «Посадскому», «Аптекарскому острову», «Петровскому», «Чкаловскому», «Черной речке» (Вячеслав Макаров), «Сосновскому» (Татьяна Захаренкова), «Рыбачьему» (Игорь Высоцкий) и т. д.

Однако Смольный настоял на своем, и парламентским единороссам (а выше перечислены исключительно они) пришлось отступить — этот пункт поправки БФК прямо на заседании ЗакСа неожиданно был отозван. В какой момент члены БФК отменили свое собственное решение, неизвестно — Сухенко говорит, что по регламенту они имеют право собираться заочно. Так, дескать, и поступили.

Однако горевать Вячеслав Макаров точно не будет — в 2015 г. его «Чкаловское», «Аптекарский остров», «Округ Петровский», «Черная речка», «Введенский» получают субсидии от 2,6 млн до 20,2 млн. Оскандалившийся в ходе избирательной кампании «Пулковский меридиан», у дверей которого ночевали «эсеры», чтобы подать документы, дополнительно получит 25 млн руб. И опять же о том, к кому ведет поправка: депутат-единоросс Алексей Макаров придумает родным братьям главе этого МО Виктору Макарову.

Детективы, как правило, захватывающие, правда, иногда они плавно перетекают в триллер. Надеемся, засекреченный бюджет не постигнет участь триллера, ведь не все жители бывают довольны, когда деньги из их карманов курсируют неизвестно по какому маршруту.

Александра ГАРМАЖАПОВА

Где всплывет то, что не тонет

Как застройщики уже готовых домов получили разрешение на ввод зданий в эксплуатацию без системы очистки канализационных вод

Эксперимент активистов из поселка Новое Девяткино, которые спустили в унитаз местной многоэтажки GPS-датчики и предоставили всем желающим наблюдать в интернете, как они доплыли до Кронштадта, задачу выполнил идеально, заставив надзорные органы вспомнить о том, что в нескольких десятках многоэтажных домов поселка официально (!) отсутствуют очистные сооружения.

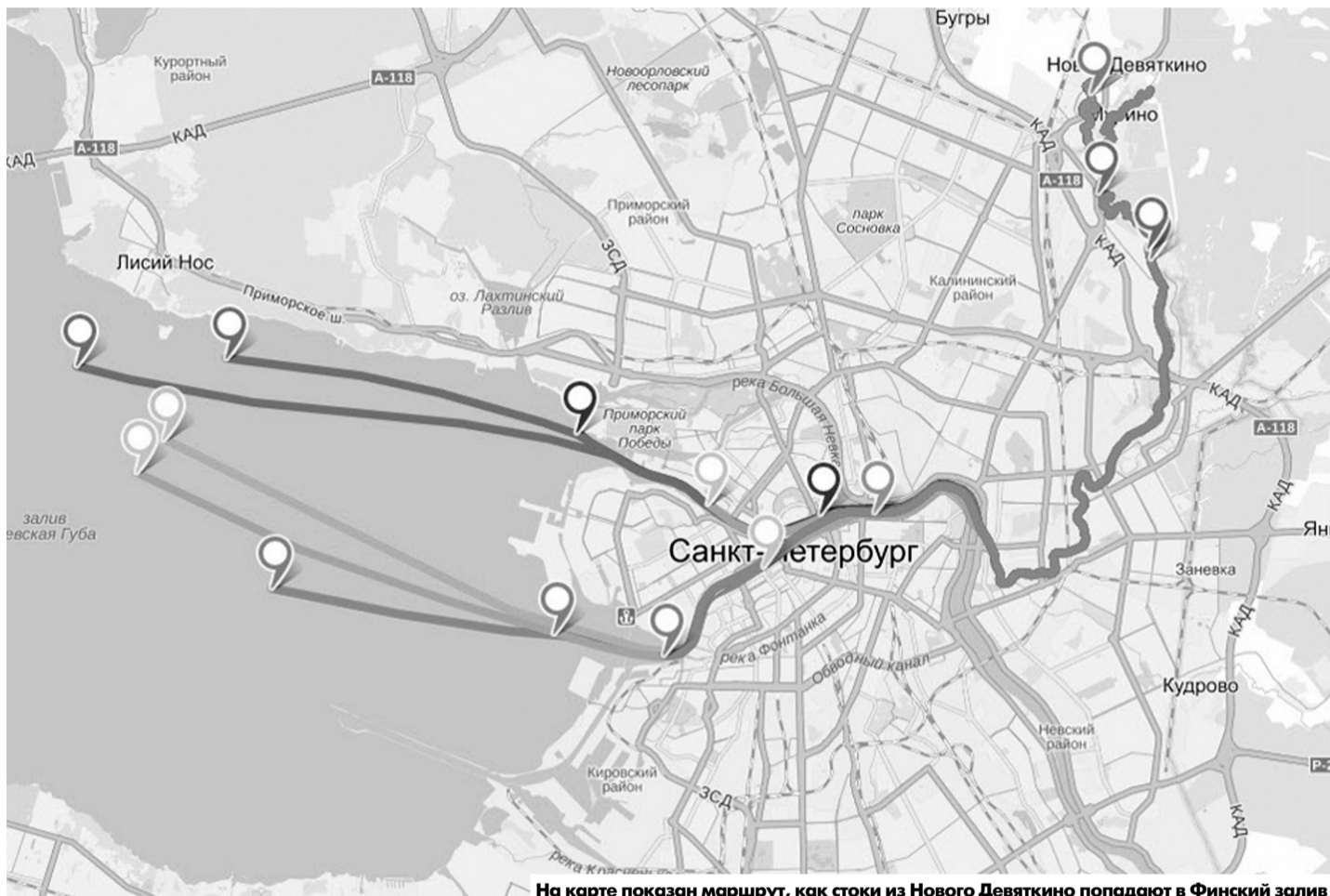
Экскремент-эксперимент

Наблюдения за маршрутом и скоростью движения GPS-трекеров показали, во-первых, насколько далеко могут заплывть фекалии петербуржцев (из фановой трубы дома — в местный Капральев ручей, оттуда в Охту, Неву и Финский залив) и, во-вторых, что на своем пути они не встречают никаких препятствий даже в виде элементарных фильтров. Нет, конечно, мы предполагали, что система очистки канализационных вод у нас далека от совершенства (тем более в поселке Новое Девяткино, который административно относится не к Петербургу, а к Ленобласти). Внешний вид, а главное, запах самого Капральева ручья сомнений не оставляют — это сточная канава. Но представить, что у нас на глазах вполне официально проектируются, строятся и заселяются высотные дома со средневековой канализацией (то есть прямо в реку), не могли даже пессимисты. Тем не менее, все именно так. Сейчас в поселке более трех десятков многоэтажек, и еще несколько — в стадии строительства.

Естественно, возникают законные вопросы. Каким образом застройщикам уже готовых домов были выданы разрешения на ввод в эксплуатацию без системы очистки канализационных вод? Как они получают разрешения на строительство? Как, наконец, получали и получают технические условия для подключения к очистным сооружениям, которых нет? Ведь без этих технических условий нельзя согласовать проект дома? Или в Новом Девяткино можно?!

Сливали и будем сливать

Оказывается, подобными наивными вопросами озадачился даже вице-губернатор Ленобласти Георгий Богачев. В начале нынешнего года он обратился в природоохранную прокуратуру и Управление службы судебных приставов с жалобой на МО «Новодевяткинское сельское поселение». Он указал, что местные власти, несмотря на запрет суда, выдают разрешения на строительство домов, стоки от которых напрямую попадут в Капральев ручей. Оказывается, что еще в 2011 году вступило в силу решение Всеволожского районного суда по иску природоохран-

На карте показан маршрут, как стоки из Нового Девяткино попадают в Финский залив

ного прокурора, которым муниципалам запрещается выдавать разрешения на строительство без технических условий на «присоединение к канализационным сетям, предусматривающим очистку хозяйственно-бытовых сточных вод, попадающих в Капральев ручей». Также суд обязал ООО «Фирма «Сигма» (компанию, выдающую технические условия) выдавать их застройщикам только при наличии в них системы очистки сточных вод.

Выходит, что по крайней мере до 2011 года муниципальные власти такие разрешения на строительство (без технических условий на подключения к очистным) спокойно выдавали (!). Богачев же пожаловался на то, что они продолжают делать это и после решения суда. По сообщению пресс-службы областного правительства, 17 апреля 2013 г. на основании выданных ООО «Фирма «Сигма» технических условий ЖСК «Твой Первый Дом» выдано разрешение на строительство многоквартирного дома. Согласно техническим условиям, бытовые стоки «Твоего Первого Дома» предполагалось отводить на проектируемые очистные сооружения в районе поселка Мурино.

Из всех возможных ответов на заданные выше вопросы правильным оказался самый простой и циничный. «Канализация по проекту должна была очищаться на пока еще не существующих очистных сооружениях, — комментирует Егор Леонтьев, активист экологической организации «Зеленый фронт», которая давно занимается экологическими проблемами Нового Девяткино. — Более

того, на момент выдачи разрешения на строительство дома не было выдано разрешения на строительство самих очистных сооружений».

17 ноября, после нашумевшей истории с GPS-маячками, на сайте Природоохранной прокуратуры Ленобласти появилась информация о том, что слова жителей, экологов и вице-губернатора

подтвердились. «Установлено, что разрешения на строительство жилых домов выдавались в отсутствие технических условий на их присоединение к канализационным сетям, предусматривающим очистку сточных вод, попадающих в Капральев ручей», — сообщает прокуратура. В качестве меры реагирования «главе администрации МО «Новоде-

Постоянные стоки в Капральев ручей

вяткинское сельское поселение» и генеральному директору ООО «Фирма «Сигма» прокурором были объявлены *предостережения* о недопустимости нарушения закона и причинения ущерба окружающей среде».

НИКТО НЕ ВИНОВАТ

Неизвестно, будет ли эта мера эффективной, тем более что администрация поселка не считает себя повинной в каком-либо нарушении закона. Глава МО «Новодевяткинское СП» Дмитрий Майоров сообщил «Новой», что в его поселении решение суда от 2011 года выполнялось и выполняется. «Мы *не выдавали* разрешений на строительство без подключения к очистным после решения суда, — говорит глава МО. — Все новые дома, получившие разрешения на строительство, предусматривают подключение к очистным сооружениям поселка Кузьмолово». Таким образом, мнение областного правительства совместно с прокуратурой и муниципальных властей в корне расходятся. Одни говорят — выдавали, другие — не было такого.

При этом Дмитрий Анатольевич вовсе не отрицает патовую ситуацию с канализационными стоками в Новом Девяткино (тем более что ужасающее состояние Капральева ручья видно невооруженным глазом). Однако ее создают, по его словам, не новостройки, а старые многоэтажные дома, построенные с 1981 по 1991 год. «Они, действительно, никаких очистных не предусматривали и по сей день сливают свои канализационные стоки в Капральев ручей, который затем впадает в Охту, — сообщил он шокирующую правду. — Мы уже несколько лет пытаемся добиться их строительства. Этот вопрос ставился и при Игоре Самохине, и при Александре Соболенко (оба — экс-главы Всеволожского района, лишившиеся должности в результате проблем с правосудием. — Прим. ред.), однако так ничего и не было построено, так как район не предоставил нам для этого земельный участок. Поселение неправомочно предоставлять земельные участки, это может сделать только администрация района».

Добавим, что в 2007 году администрация МО «Всеволожский муниципальный район» предварительно согласовала место размещения очистных сооружений и утвердила акт выбора земельного участка, а также предоставила этот участок в безвозмездное срочное пользование своему учреждению — МУ «Единая служба заказчика» для инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования. Но почему-то до самого строительства дело так и не дошло.

ИЗБИТЫЕ И ОСУЖДЕННЫЕ

Выходит, что планомерное отравление Капральева ручья и Охты — результат давнего конфликта районных и местных властей. Разрешить его не помог даже суд. «Мы обратились в суд с требованием обязать предоставить нам земельный участок для строительства очистных, — продолжает Дмитрий Майоров. — Однако суд нам отказал, пояснив, что предоставление участка — не обязанность, а только право района». О глубине конфликта можно судить по тексту заявления депутатов Всеволожского МО, сделанного накануне отстранения Соболенко от должности: «... Соболенко во всеуслышание, в микрофон громко заявил, что натравит на депутата главу МО «Новодевяткинское сельское поселение» Д.А. Майорова Следственное управление, а также в нецензурной форме с использованием ненормативной лексики угрожал ему физической расправой». Соболенко в конце концов был уволен и осужден (за избиение, правда, не Майорова, а других народных представи-

телей. — Прим. ред.). Дмитрий Майоров остался и по-прежнему руководит Новодевяткинским МО. А очистных при этом как не было, так и нет, и все сливы домов 1981–91 гг. постройки по-прежнему текут в Охту, Неву и Финский залив. Наступит ли этому конец?

НАЧАЛЬСТВО ССОРИТСЯ, А СТОКИ ТЕКУТ

Дмитрий Анатольевич уверен, что скандал с отсутствием очистных всякий раз заново организуется заинтересованными бизнесменами с целью надавить на администрацию. «В данном случае за этой историей стоит владелец компании «Арсенал-Недвижимость», находящийся в розыске Лаптев Виктор Викторович (избранный в 2011 г. депутатом Новодевяткинского МО, кавалер ордена «Золотая звезда», олигарх и меценат. — Прим. ред.). Его цель — добиться получения разрешения на ввод в эксплуатацию дома его компании (Новое Девяткино, Арсенальная ул.), с которым имеются сложности», — говорит он.

Под предыдущим этапом скандала Дмитрий Анатольевич, видимо, имел в виду проверку Комитета госконтроля природопользования Ленобласти осенью прошлого года (жалоба вице-губернатора Богачева может рассматриваться как ее логичное продолжение). Сочтя, что администрация Нового Девяткино не приняла меры (или приняла их недостаточно) для устройства канализационных очистных сооружений, комитет возбудил административное дело по ст. 8.13, ч. 4 КоАП РФ, а суд вынес постановление о штрафе в размере 35 000 рублей. Но администрация успешно оспорила это решение в Арбитражном суде. Штраф был признан судьей незаконным, так как «у администрации отсутствовала возможность для строительства очистных сооружений, и ею предприняты исчерпывающие меры в рамках действующего законодательства для решения вопроса очистки канализационных стоков, в том числе путем обращения в суд» (который, как мы помним, она проиграла. — Прим. ред.).

Из-за того, что не работает насосная станция, около дома 58 по Главной улице образуются стоячие лужи с нечистотами

УТОПАЮЩИЕ В КАНАЛИЗАЦИИ

Так как сам факт сброса канализации никто не отрицает, то ничто не мешает закусным интересантам (если таковые действительно существуют) хоть каждый день поднимать эту тему. И так оно и будет, пока проблема наконец не будет решена. Но, поверьте, ситуация в Новом Девяткино не требует специальной раскрутки: на дурной запах здесь не жалуются только счастливицы с заложенным носом. Так, в июне организация «Зеленый фронт» зафиксировала излив канализационных стоков в районе дома 58 по Главной улице: тогда стоки подтопили недостроенное здание. Были направлены заявления в Роспотребнадзор и прокуратуру, которая, в свою очередь, возбудила административное дело и потребовала от администрации и застройщика (ООО «Астра») принятия срочных мер. Видимо, мер оказалось недостаточно, так как 15 ноября приехавшие на поселковом митинг (!) экологи обнаружили новый излив канализации почти в том же

месте. «Сточные воды извергались прямо из люка и текли по земле в 15 метрах от детской площадки», — делится впечатлениями Егор Леонтьев. По его информации, причина несанкционированного сброса в том, что внутриквартирные системы водоотведения новостроек никто не обслуживает: «До настоящего времени канализационное насосное оборудование никому на обслуживание не передано. Управляющая компания ООО «Охта-Сервис» считает себя ответственной за содержание и ремонт только общедомового имущества».

Надежд на то, что разные уровни власти и строительный бизнес в Новом Девяткино сумеют договориться между собой, все меньше. Остается ждать вмешательства более высокой инстанции. И поскорее, пока поселок не утонул в собственных помоях.

Ирина АНДРИАНОВА,
фото МО «Зеленый фронт»

Выброс канализации, который случился летом

Небо, самолет, икра, полковник

Как один командир весь полк хотел накормить деликатесами

Командир авиационного полка Западного военного округа (ЗВО) полковник Анатолий Кизьяков заподозрен в связи с браконьерами. Военный борт, приписанный к возглавляемой им войсковой части № 49719 (отдельный транспортный авиационный полк ЗВО) в Левашово, нелегально доставил в Петербург с Камчатки крупную партию — больше тонны (1065 кг) красной икры и почти два центнера (175 кг) красной рыбы. Следствие считает, что, скорее всего, морепродукты добыты незаконным путем. Не исключается, что теневой канал поставок был постоянным.

Военно-транспортный Ил-76 с грузом красной икры и рыбы прилетел в Петербург с Камчатки 11 октября. Сел на военном аэродроме в Левашово. По данным следствия, самолет разгрузили военнослужащие — срочники войсковой части № 49719. Перенесли из грузового отсека Ил-76 в арендованную «газель»: 40 контейнеров кетовой икры по 25 кг, 5 контейнеров кетовой икры по 13 кг и еще 175 кг красной рыбы. Затем все это перевезли в Кронштадт, где уложили в военный холодильник склада комплексного хранения материально-технического снабжения (МТС) войсковой части № 45752. Там-то спустя три дня, 14 октября, припасы обнаружили военные разведчики и силовики. Удивились. По их словам, таких находок здесь еще не бывало.

Из холодильника склада МТС (который за ненадобностью уже несколько лет военными не используется) сыщики извлекли 45 одинаковых белых пластиковых контейнеров (на Камчатке их называют «кубиками»). Некоторые были с этикетками, судя по которым икру кеты солили 19, 20 и 28 августа 2014 года на предприятии в поселке Усть-Камчатский. Около половины коробок опознавательных знаков не имели и не содержали информации ни о производителе, ни о дате выработки. Зато на других черным маркером были сделаны дополнительные пометки: «КАИ» и «Абанин». Значение их выясняет следствие.

Между тем специалисты 53-го центра ветеринарно-санитарной экспертизы и лабораторной диагностики ЗВО, тоже выезжавшие на место и взявшие пробы на исследование, по его результатам констатировали: икра и рыба не соответствуют требованиям безопасности, так как содержат плесень, стафилококки и повышенное количество вредоносных микроорганизмов. По заключению экспертов, это может свидетельствовать о вылове лососевых браконьерским путем без соблюдения технологии.

Поскольку у летчиков отсутствовали какие-либо документы на рыбную продукцию, объясняющие ее происхождение, удостоверяющие качество и безопасность, подтверждающие правомерность нахождения на складе войсковой части № 45752, то военные следователи весь груз изъяли. Однако вопросы остались.

Для кого и для чего через всю страну в Петербург с Камчатки летели красная икра и рыба? Едва ли ими собирались кормить молодых летчиков — их рацион предусматривает таких деликатесов.

По предварительной информации следствия, морепродукты готовились к реализации через розничные сети города. Сейчас эта версия проверяется. Также пока не подтверждено, но и не исключается, что самолеты с подобным грузом могли прилетать в Левашово часто.

Камчатку и Петербург связал Анатолий Кизьяков. 39-летний полковник занял должность командира авиаполка ЗВО несколько месяцев назад. А до этого, окончив военно-воздушную академию имени Гагарина, служил на Камчатке. В 2003 г. он возглавил эскадрилью ракетного полигона Кура в районе камчатского поселка Ключи, где проводятся испытания баллистических ракет. В 2004-м, в 29-летнем возрасте, получил звание подполковника, затем — полковника.

О том, что новый командир полка имеет давние связи с предпринимателями, занимающимися рыбным промыслом в Камчатском крае, следователям рассказали военнослужащие войсковой части. Они якобы видели, и не раз, как на военном аэродроме в Левашово разгружаются самолеты с рыбной продукцией.

ПОЛКОВНИК ОТВЕРГ СКЛОННОСТЬ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ И ЗАЯВИЛ, ЧТО ВСЕ ДЕЛИКАТЕСЫ ВЕЗ ДЛЯ СЕБЯ ЛИЧНО. ОТОВАРИЛСЯ ОН ЕЩЕ НА КАМЧАТКЕ И РЕШИЛ ПЕРЕВЕЗТИ РЫБУ НА НОВОЕ МЕСТО СЛУЖБЫ, ЧТОБЫ «УГОСТИТЬ НОВЫХ ТОВАРИЩЕЙ И СОСЛУЖИВЦЕВ»

Между тем военной авиации запрещены любые коммерческие перевозки.

Сам Анатолий Кизьяков в коротком телефонном комментарии «Новой» проявил полную неосведомленность: «Ничего об этом перелете не знаю. Никакого отношения к событиям в Кронштадте не имею».

Однако такого быть не может. С 2013 года действует утвержденная министром обороны Сергеем Шойгу «Инструкция по организации воинских перевозок воздушным транспортом Вооруженных сил». Согласно ей командир авиационного подразделения несет ответственность за все воздушные перевозки лиц и грузов на военном транспорте, он же отвечает за проверку соответствия оформления всех перелетов и проверку законности при вылете и прилете. Кроме того, инструкцией предусмотрены нештатные группы контроля. Они работают на всех аэродромах Минобороны для исключения неплановых и не предусмотренных заданием воздушных перевозок лиц и грузов. «Контролю подлежат все воздушные суда Вооруженных сил независимо от их подчиненности и характера выполняемых задач», — говорится в документе, подписанном министром обороны.

Скорее всего, Кизьяков инструкцию знал. Поэтому в 459-м Военно-следствен-

ном отделе СК РФ по ЗВО он, как стало известно «Новой», рассказал совершенно иные вещи. Полковник, по сведениям «Новой», категорически отверг склонность к предпринимательству, заявив, что все деликатесы вез для себя лично. Объяснил, что приобрел икру и рыбу в недюжинных количествах на собственные средства, по тысяче рублей за килограмм, то есть выложил за них больше миллиона рублей. Причем отоварился якобы давно, еще на Камчатке. А потом решил перевезти морепродукты на новое место службы, в Петербург, чтобы «угостить новых товарищей и сослуживцев». Военных следователей Кизьяков заверил, что у него есть даже воинские проездные документы на перевоз личного имущества. Полковник не учел: по закону в связи с переводом к новому месту службы военным разрешается перевезти до 20 тонн личного имущества железнодорожным транспортом, а при его отсутствии — другими видами транспорта, за исключением воздушного.

Военные следователи еще оценивают степень искренности и щедрость души полковника Кизьякова. В военно-следственном отделе «Новой» уточнили: доследственная проверка не завершена, в отношении командира войсковой части № 49719 решается вопрос о возбуждении уголовного дела. По предварительной информации, ему могут вменить в вину злоупотребление должностными полномочиями и ведение незаконной предпринимательской деятельности. Решение военно-следственные органы должны принять до 14 декабря. Окружная военная прокуратура взяла это дело на особый контроль.

Нина ПЕТЛЯНОВА

Отравленная тундра

Малые народы массово выступают против безнаказанности нефтяников

Малые народы российского Севера убивает варварская добыча нефти. Она уничтожает природную среду, являющуюся источником существования этих людей, и ничего не дает взамен: денежные потоки текут мимо, а местная инфраструктура превращается в руины.

Коми-ижемцев около 15 тысяч человек. Официально, однако, этот народ не признан. По мнению коми-ижемцев, которые прошли все необходимые формальности для получения спасительного статуса, признание не состоялось исключительно по вине чиновников: губернаторы пяти регионов, где проживает народ, обязаны были послать запросы в Москву, однако в течение многих лет игнорируют требования коренных жителей.

Сотни лет коми-ижемцы жили за счет разведения оленей (летом их гоняют на север в тундру), охоты, собирательства и рыболовства в местных лесах и реках. Пережили коллективизацию и Великую Отечественную. Но удастся ли им пережить интенсивную нефтедобычу — большой вопрос.

Олени лизут яд

«Когда в начале 2000-х у нас нашли нефть, началась история конфликтов с добывающими компаниями, — рассказал на пресс-конференции в Росбалте Николай Рочев, председатель межрегионального общественного движения «Изьватас» (так коми-ижемцы себя называют). — Уничтожаются традиционные места промысла. Для нас охота, рыбалка, сбор грибов и ягод — не пропитание, а смысл жизни. Якобы «ничьи» территории давным-давно разделены на родовые угодья. И когда люди видят на своих охотничьих тропах разрушение — это трагедия для всей семьи. Они просто не знают, что делать, это тупик. Конфликты особенно обострились в 2014 году».

Как рассказала Светлана Рочева, учительница и муниципальный депутат из деревни Вертеп, рядом с ее поселением находятся нефтяные вышки. В деревне стоит сероводородная вонь, загрязненная пластовая вода стекает через ручьи в реки Ижму и Печору. По закону, нефтяники должны закачивать воду назад в скважины, но экономят. Она имеет соленый вкус, ее с удовольствием лизут олени и дикие звери, а потом погибают. Только весной этого года в районе на смерть отравилось 150 оленей.

«У нас в Вертепе население 800 человек, — рассказала Светлана Рочева. — За последний год умерло двадцать человек, родилось трое. Дети рождаются с патологиями, у людей постарше масса онкологических заболеваний. При этом пользы нам от нефти никакой: дорогу, ведущую в нашу деревню, нефтяники разбили своими автомобилями — даже ее починить никто не собирается».

Николай Братенков, куратор Комитета спасения Печоры по работе с нефтяниками, рассказал о том, что довело «простых крестьян» до того, что они начали выходить на митинги. В первую очередь нефтеразливы: трубы старые, часто рвутся. В данной ситуации, по словам Братенкова, нефтяники делают все возможное, чтобы скрыть катастрофу. Были случаи поджога разлившейся нефти, а один раз зараженный нефтью мох сгребли и увезли в неизвестном направлении, а на его место положили мох, содранный на соседней территории.

«Последней каплей стали подожженный нефтеразлив площадью чуть меньше гектара и скважина, которую начали бурить в двухстах метрах от села Краснобор, не только не проведя слушаний — а вообще не сообщив об этом селянам, — рассказал Николай Братенков. — Жители несколько раз собирались в клуб, приглашая туда представителей «Лукойла», но те так и не явились. После чего жители стали выходить на массовые митинги, призывая нефтяников и местные власти к ответу».

Главное — не волнуйтесь

После начала массовых выступлений в деревнях власти и руководство нефтяников все-таки вынуждены были обратить внимание на подведомственный народ. Однако основной недоразработчик в этом районе — ООО «Лукойл-

Коми» — пока что идет на диалог с населением лишь формально. В том смысле, что разговаривать теперь соглашается. Но на все отчаянные требования коми-ижемцев отвечает в духе «не волнуйтесь, у нас и у вас и так все хорошо».

Например, представители народа заявили среди прочих конкретное требование: «Демонтировать буровую скважину № 2, строящуюся на Северо-Ипатском нефтяном месторождении, расположенную в подтапливаемом тальми водами месте». По мнению жителей, подтапливание серьезно угрожает экологической безопасности, ведь уровень воды весной поднимается на 3–5 метров (буровая расположена крайне неудачно, между двух рек). В прошлом году рабочих-нефтяников пришлось эвакуировать, однако 500 тонн химвеществ остались на земле и в результате под водой.

Однако «Лукойл» закрывать буровую отказался, решив вместо этого поднять уровень земли на девять метров. Сработают ли ухищрения инженерной мысли — большой вопрос.

В очередном ответе на требования коми-ижемцев компания поясняет: «Общественные слушания по скважине № 2 Северо-Ипатского нефтяного месторождения состоялись 2 октября 2014 года в селе Шельябож в непосредственной близости к строящемуся объекту (скважина располагается в 8,5 км к востоку от села) и признаны состоявшимися». И больше насчет скважины ни слова. То есть сам факт проведения слушаний якобы является достаточным основанием больше не возвращаться к данному вопросу.

Подобным образом отвечают нефтяники и на прочие требования жителей, которые по итогам трехсторонних встреч (в них участвовали также представители исполнительной власти) сформулировали коми-ижемцы. Например, на требование прекратить излив пластовых вод на рельеф местности на всей территории нефтедобычи в Республике Коми «Лукойл-

ответает: «В период с 1 сентября 2014 г. по настоящее время изливов пластовых вод на рельеф местности на производственных объектах Общества не зафиксировано». О том, были ли приняты какие-то меры для такого достижения или оно само так получается, ни слова.

Также жители требовали вывезти все остатки химвеществ с территорий пастбищ и миграционных путей оленей, а в местах хранения химвеществ обеспечить невозможность доступа к ним животных (оленей). «Лукойл» отвечает: «Химвещества хранятся на специальных складах, доступ животных к ним отсутствует. Остатки реагентов вывозятся и утилизируются в соответствии с требованиями экологической безопасности». Что сделано? А ничего не сделано — ведь все и так было в порядке. А проблемы жителям, видимо, просто «казались».

Люди чувствуют, что переговоры в очередной раз зашли в тупик. Необычный выход из ситуации рекомендует им Родион Суляндзига, директор Центра содействия коренным малочисленным народам Севера. По его мнению, защитить коми-ижемцев мог бы Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. Ведь в данном случае имеет место уничтожение возможности целого народа заниматься традиционными промыслами. По словам Суляндзига, пример успешного вмешательства ООН уже существует: в конце нулевых годов Комитет по ликвидации расовой дискриминации запретил строительство эвенкийской ГЭС, и Россия согласилась с его решением. Сами коми-ижемцы еще думают, обращаться ли им за международной защитой или дальше пробовать договориться на местном уровне.

Анджей БЕЛОВРАНИН

Митинги протеста коми-ижемцев, 2014 год

